

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский Государственный Университет»

Филологический факультет

Кафедра истории зарубежных литератур

Чернякова Ксения Евгеньевна

**ПРОБЛЕМА АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНАХ
КОРМАКА МАККАРТИ**

Выпускная квалификационная работа магистра филологии

Научный руководитель:

к. ф. н., доцент

Е. М. Апенко

Рецензент:

к. ф. н.

Ю. М. Барабанова

Санкт-Петербург

2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Понятие идентичности и литература Юга США.....	7
1. Понятие идентичности.....	
7	
2. Коллективная идентичность.....	13
3. Региональная идентичность Юга США.....	
17	
4. Южная литературная традиция и "Южный миф".....	
23	
5. Кормак Маккарти.....	29
Глава 2. «Хранитель Сада»: Новый образ Юга в первом романе Кормака Маккарти.....	35
2.1. Артур Оунби.....	
36	
2.2. Кеннет Раттнер.....	
39	
2.3. Мэрион Сайлдер.....	
43	
2.4. Джон Уэсли Раттнер.....	
47	
Глава 3. «Внешняя Тьма»: Юг как место обитания зла.....	
53	

Глава 4. «Дитя Бога»: Южная община глазами изгоя.....	
66	
Заключение.....	81
Список использованной литературы.....	84

Введение

В современном мире проблема идентичности стала одной из главных проблем с которой сталкивается человек в каждой культуре. Именно поэтому в последнее десятилетие она заняла одно из центральных мест в гуманитарной науке. Известный психолог Эрик Эриксон полагал, что первые попытки сформулировать и концептуально оформить содержание и понятие идентичности были сделаны в стране иммигрантов – Соединённых Штатах Америки. Множество исследований идентичности посвящено именно этой стране, поскольку американцы – сравнительно молодая нация и формирование национального самосознания здесь шло особым, отличным от европейских стран путем в силу исторических истоков и исходной мультикультурности нации.

В частности, Америка – это то место, где наиболее всего заметна сложность процесса слияния региональной и национальной идентичностей. В силу необычных условий формирования в США исторически образовались три главных региона: Север, Юг и Запад. Каждый из этих регионов обладает своей собственной уникальной региональной идентичностью, которая была сформирована с течением времени благодаря общему опыту и общей культурной памяти его жителей. Южный регион, с его особым укладом жизни, культурной традицией и ореолом таинственности, окружающим этот край, стал источником вдохновения для многих американских авторов, таких, как М. Твен, У. Фолкнер, У. Стайрон, которые пытались отразить в своих произведениях своеобразие этой части страны и ни на что не похожий образ жизни и мышления ее жителей.

Проблема идентичности в литературе отличается сложностью и многоаспектностью. С одной стороны, можно обратить особое внимание на саму проблему и рассматривать литературу как один из источников материала для ее изучения. А с другой — можно попытаться проанализировать влияние национальной или региональной идентичности на художественный мир произведений. Хотя литература и не обладает объективностью в научном смысле

слова, она, тем не менее, может являться надежным источником для изучения проблемы национальной или региональной идентичности, поскольку обладает своей собственной, художественной достоверностью и своей особой объективностью. Такая объективность связана, во-первых, с тем, что любое литературное произведение является продуктом работы авторского сознания. Во-вторых, многие писатели совершенно сознательно обращаются к проблеме в своих произведениях, ставя в их центр поиск персонажами психологической, этнической и культурной идентичности.

Объектом данного исследования были выбраны самые ранние романы одного из самых известных современных писателей Кормака Маккарти, относящиеся к так называемому «южному» периоду его творчества: «Хранитель Сада»/ «The Orchard Keeper» (1965), «Внешняя Тьма»/ «Outer Dark» (1968), «Child of God»/ «Дитя Бога» (1973). Эти романы не обрели популярности у массового читателя, но были благосклонны принят критиками. Последние восхваляли новый, по их мнению, подход автора к описанию Юга. Так Джеймс Дж. Мюррей замечал: "Это интересный первый роман молодого южанина: интересный, отчасти потому, что он не кажется автобиографичным..."¹, а Гранвиль Хикс написал в «Субботнем обзоре»: "Это исключительно, что такой молодой автор может быть настолько объективным"².

Однако, зарубежные исследователи, как правило, уделяют больше внимания более поздним и известным так называемым «западным» романам Маккарти. Его более ранние работы исследованы на удивление мало и проблема идентичности в его произведениях лишь слегка затронута в работах таких авторов, как Мелисса Дэвис и Кристофер Вэлш. В отечественной же филологии, работы, посвященные «южным» романам Кормака Маккарти, практически отсутствуют.

Именно поэтому данная работа посвящена анализу ранних романов Маккарти с целью выявления как общей авторской концепции изображения

---

¹ Arnold E. Perspectives on Cormac McCarthy. –Jackson.: University Press of Mississippi, 1999. – P. 18.

² Ibid. P. 29.

пространства Южного региона в первой половине XX века, так и его понимания южной региональной идентичности в этот период.

В задачи исследования входят анализ центральных образов романов, внутренних конфликтов и общего психологического состояния персонажей. А также выявление общей тенденции изображения уклада жизни и пространства Южного региона в определённый исторический период, заданный автором.

Актуальность темы исследования определяется возросшим в последние годы интересом к проблемам идентичности и национального и регионального самоопределения, их отражению в литературно-художественном сознании; а также практически полным отсутствием исследований данных произведений, как в зарубежной, так и в отечественной филологии.

Методологической основой диссертации стали теоретические исследования по проблеме национальной и региональной идентичности российских и зарубежных исследователей М. Назукина, А. Герасимов, Н. Бурейко, М. Гребенюк, К. Гаджиев, С. Хантингтон, Ф. Глисон, М. Шугар, С. Кермес, А. Томпсон и др. Их работы не только позволили установить, что проблема региональной самоидентификации особенно заметна в Южном регионе США, но также проследить сам процесс формирования региональной идентичности на Юге и определить истоки ее уникальности. Поскольку, кризис идентичности, переживаемый жителями региона, отразился в литературе южан, становясь центральной темой произведений многих писателей-южан. Частью методологической базы диссертации стали работы российских и зарубежных ученых, посвященные исследованию Южной литературной традиции: Д. Миллер, М. Крейлинг, М. Гайн, И. Морозова, В. Переяшкин. В процессе работы использовались историко-функциональный, культурно-исторический методы.

Научно-практическая значимость работы определяется возможностью использования ее положений в дальнейших исследованиях, посвященных как проблеме идентичности в литературе, так и южной литературной традиции, и собственно творчеству Кормака Маккарти.

Глава 1. Понятие идентичности и литература Юга США

1.1. Понятие идентичности

В современном мире проблема идентичности является одной из центральных в гуманитарной науке. Тем не менее, несмотря на актуальность проблемы, концепт «идентичности» сам по себе остается загадкой. Историк Филип Глисон в своей книге «Определяя Идентичность: Семантическая История» очень точно обозначил нынешнее положение понятия «идентичности» в современном пространстве, утверждая, что значение термина, в том смысле в котором мы используем его сегодня, плохо охвачено в рамках словарных определений, которые отражают старые значения этого слова. Наша сегодняшняя идея "идентичности" - это сравнительно недавний социальный конструкт, который при этом необычайно сложен. Даже при том, что все знают, как использовать это понятие в повседневной речи, довольно трудной задачей оказывается дать краткое, точное и адекватное определение, которое отражает диапазон его нынешних значений.³

До 50-х годов XX века, понятие «идентичность» вообще практически не употреблялось в научных дискуссиях и не обсуждалось, как научная проблема.⁴ Впервые к феномену идентичности в 1950-ом году обратился психолог Эрик Эриксон в своей книге «Детство и общество», где это понятие стало центральным для всего исследования. Как сторонник психоаналитического направления, Э. Эриксон трактовал «идентичность», как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное Я.⁵ Он считал, что идентичность находится в глубокой психической структуре индивида, меняется и формируется в ходе взаимодействия индивида со средой, но изменения происходят именно во внутреннем мире

---

³ Gleason P. Identifying Identity: A Semantic History. //The Journal of American History. - 1983. - Vol. 69, № 4. - P. 912.

⁴ Бурейко Н. К вопросу об американской национальной идентичности (политико-идеологические факторы ее становления) [Электронный ресурс] // Международный электронный научный журнал. 2013. URL:<http://st-hum.ru/content/bureyko-nn-k-voprosu-ob-amerikanskoy-nacionalnoy-identichnosti-politiko-ideologicheski> (дата обращения: 19.04.2017).

⁵ Муха В. Личностная и социальная идентичность: проблема соотношения [Электронный ресурс] // Научно-издательский центр «Социосфера» [сайт]. [2013]. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/166/lichnostnaya_i_socialnaya_identichnost_problema_sootnosheniya/ (дата обращения 17.04.2017)

личности.⁶ Таким образом, Эриксон ввел в обиход такие понятия, как эго-идентичность и групповая идентичность, заявив, что их развитие неразрывно связано друг с другом.

Социальная или групповая идентичность, как называет ее Эриксон, воспринимается как личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными групповыми ценностями, идеалами и нормами. Групповая идентичность формируется благодаря тому, что с первого дня жизни воспитание ребенка ориентировано на включение его в данную социальную группу, на выработку присущего данной группе мироощущения.⁷ Эго-идентичность или личностная идентичность формируется параллельно с групповой идентичностью и создает у субъекта чувство устойчивости и непрерывности своего Я, несмотря на те изменения, которые происходят с человеком в процессе его роста и развития.⁸

Идентичность человека формируется на протяжении всей жизни в процессе актуализации и социализации, таким образом, социальная идентичность оказывает влияние на личностную идентичность человека.

Эриксон рассматривает идентичность, как некую структуру, состоящую из определенных элементов, чувство тождественности и непрерывности собственной личности. Чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни и уверенности во внешнем одобрении.⁹

Главным положением теории Эрикsona является тот факт, что каждый человек на протяжении жизни сталкивается с неким социальным требованием. Проблема, встающая перед индивидом в его социальном развитии, создает

---

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Антонова Н. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии [Электронный ресурс] // Вопросы психологии: [сайт]. [1995]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1996/961/961131.htm> (дата обращения: 17.01.2017).

кризисную ситуацию. Кризис — это поворотный момент развития, из которого человек может выйти как более адаптированным, сильным, так и ослабленным, не справившимся с решением конфликта.¹⁰ Человек в любом возрасте может либо находиться в согласии с самим собой, либо его могут раздирать внутренние противоречия. Исходя из этого, Эриксон также ввел в обиход термин «кризис идентичности», чтобы обозначить состояние беспокойства и сомнения, которое возникает у подростков во время выбора, связанного с необходимостью самоопределения, в виде целой серии социальных и личностных выборов и идентификаций. В этот период человек находится в растерянности из-за множества возможностей которые предлагает ему будущее, и оказывается не в состоянии определить, как свою нынешнюю роль в жизни, так и выбрать будущую. Если подростку не удается своевременно разрешить эти задачи, у него формируется неадекватная идентичность. Это определение состояния, когда индивид еще не сделал ответственного выбора, например, профессии или мировоззрения, что делает его образ Я расплывчатым и неопределенным, или состояния, когда подросток принял определенную идентичность, миновав сложный и мучительный процесс самоанализа, он уже включен в систему взрослых отношений, но этот выбор сделан не сознательно, а под влиянием извне или по готовым стандартам.¹¹ Эриксон установил, что неправильное прохождение кризиса идентичности коррелирует с широким спектром проблем. Сильная диффузия идентичности связана с неспособностью принимать решения, запутанностью в проблемах, потерей индивидуальности на людях, трудностью установления удовлетворяющих отношений, тенденцией к изоляции, трудностями в работе. Неудовлетворительное разрешение кризиса идентичности делает индивидуума менее способным справляться с насущными задачами приспособления.¹²

---

¹⁰ Эриксон Э. Детство и общество. //Изд. 2-е, перераб. и дополн./Пер. с англ. - СПб.: ИТД "Летний Сад", 2000. – С. 114.

¹¹ Там же. С. 116.

¹² Эриксон Э. Детство и общество. //Изд. 2-е, перераб. и дополн./Пер. с англ. - СПб.: ИТД "Летний Сад", 2000. – С. 115.

Хотя наиболее глубокий кризис идентичности чаще всего приходится на подростковые годы, «кризис идентичности» может произойти и в более зрелом возрасте, когда человек сталкивается с чем-то, что ставит под сомнение его определение себя. В состоянии «кризиса идентичности» исчезают или снижаются целостность, тождественность и вера человека в свою социальную роль. Позже известный социолог Питер Хопкинс писал, что кризис идентичности – это «критический, поворотный момент в истории жизни индивида, во время которого ты можешь продолжить свое развитие лишь при условии выбора нового направления».¹³ Кризис идентичности не только связан с такими вопросами как профессиональная и этническая принадлежность, религия, это также вопрос внутренних психологических конфликтов человека.

В «Детстве и обществе» Эриксон изложил свою теорию развития личности, которая послужила фундаментом для формирования всех последующих многочисленных определений термина «идентичность». Однако, в своих работах, ученый не прибегал к эмпириическим исследованиям, ограничиваясь теоретическим анализом проблемы идентичности. Когда его последователи попытались обосновать его идеи эмпирически, оказалось, что приведенные им определения идентичности метафоричны и широки, что привело к попыткам дать более строгое и операциональное определение идентичности и разделить такие понятия, как личностная и социальная идентичность.

Основы социологического подхода к вопросу о идентичности были заложены в трудах Э. Дюркгейма. В своих исследованиях он рассматривал механизмы формирования связей индивида с различными общностями, раскрыл структуру и процессы конструирования "социальной сущности" личности. Согласно Э. Дюркгейму, «социальная сущность» передается в процессе социализации от поколения к поколению.¹⁴ Однако, одним из главных создателей теории социальной идентичности был ученый Х. Тэджфел. В основе теории

---

¹³ Gleason P. Identifying Identity: A Semantic History. //The Journal of American History. - 1983. - Vol. 69, №. 4. - P. 916.

¹⁴ Ковалева А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. - М. : Социум, 1999.- С. 248.

социальной идентичности Тэджфела лежала идея существования, определенного социально-поведенческого континуума, на одном полюсе которого локализованы формы межличностного взаимодействия, а на другом - взаимодействие людей как представителей определенных общностей. Разрабатывая теорию группового поведения, Тэджфел говорил о возможности существования идентичности на трех разных уровнях, соответствующих общечеловеческой, социальной и личностной идентичности, притом, что между этими уровнями существует функциональный антагонизм. Таким образом, появилась идея оппозиции личностной и социальной идентичности. В области социологии ученые стали оценивать идентичность с точки зрения общества и его институтов. По их мнению, идентичность - это комплекс ролей и статусов в социальной системе.

В это же время, в психологических кругах активно разрабатывалась теория личностной идентичности. В современной психологии личностная или индивидуальная идентичность традиционно трактуется, как набор характеристик, отличающих данного человека от других людей.¹⁵ «Это единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и жизненных установок личности, осознающей себя субъектом деятельности. Это не какая-то особая черта или совокупность черт, которыми обладает индивид, а его самость, отрефлексированная в терминах собственной биографии. Она обнаруживается не только в поведении субъекта и реакциях на него других людей, сколько в его способности поддерживать и продолжать некий нарратив, историю собственного Я, сохраняющего свою цельность, несмотря на изменение отдельных ее компонентов».¹⁶ Другими словами, личностная идентичность – это то, кем человек считает себя в глубине души, его ответ на вопрос «Кто я?». Это некая система отношений индивида с различными аспектами его внутреннего мира, а

---

¹⁵Микляева А. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография / А. Микляева, П. Румянцева. - СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. - С. 10.

¹⁶ Муха В. Личностная и социальная идентичность: проблема соотношения [Электронный ресурс] // Научно-издательский центр Социосфера [сайт]. [2013]. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/166/lichnostnaya_i_socialnaya_identichnost_problema_sootnosheniya/ (дата обращения 17.04.2017)

также с значимыми для него аспектами окружающего мира.¹⁷ Большинство людей воспринимает личностную идентичность, как некий набор компонентов, который определяет индивидуальность человека: мой характер, мои мечты, мои цели, мои ценности, образование, увлечения и контакты.¹⁸

Психологический подход рассматривает идентичность как результат индивидуальной психологической деятельности, включения в определенные социальные структуры. Однако, не существует единства во мнениях социологов и психологов относительно соотношения индивидуального и социального в феномене идентичности.¹⁹ Поэтому исследователи по сей день пытаются ответить на вопрос какой вид идентичности является первичным, и, как правило, исследователи признают первичность социальной идентичности и ее опосредующее влияние на формирование личностной идентичности.²⁰

Таким образом, несмотря на все эти определения, у понятия «идентичность» нет жестких рамок и внешних, объективных критериев. Касаясь всех сфер мира человека, категория "идентичность", имеет различающиеся смысловые содержания - от индивидуальных психических процессов, до сложнейших социальных отношений.²¹

1.2. Коллективная идентичность

---

¹⁷ Козлов Н. Личностная идентичность [Электронный ресурс] // Психологос: энциклопедия практической психологии: [сайт]. [2009-2017]. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/lichnostnaya_identichnost (дата обращения: 7.04.2017).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Муха В. Личностная и социальная идентичность: проблема соотношения [Электронный ресурс] // Научно-издательский центр Социосфера [сайт]. [2013]. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/166/lichnostnaya_i_socialnaya_identichnost_problema_sootnosheniya/ (дата обращения 17.04.2017)

²⁰ Микляева А. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография / А. Микляева, П. Румянцева. - СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. - С.22.

²¹ Гребенюк М. Концепт "идентичность" в дискурсе гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2013. №26. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konsept-identichnost-v-diskurse-gumanitarnogo-znaniya> (дата обращения: 07.04.2017).

Коллективная идентичность – это психосоциальный комплекс, задающий психическую важность для человека своего отнесения к какой-то социальной группе, и регулирующий связанные с данной группой отношения «свой-чужой».²² В рамках коллективной идентичности устанавливается некоторое подобие психологических установок и поведенческих шаблонов, по которым «свои», принадлежащие группе, могут опознать друг друга.²³

Одной из разновидностей коллективной идентичности является «национальная идентичность», в ее систему входит ответ на вопрос «кто я в национальном отношении?», человек отождествляет себя с определенной национальной общностью и это становится частью его персональной идентичности.²⁴

Коллективная национальная идентичность образуется в ходе процесса сопоставления и сравнения себя с другими нациями. Нация осознает себя как таковую и признает, что обладает определенными признаками, отличающими ее от всех других. Часть этих признаков постоянны, они существуют с момента исторического формирования нации, часть вариативны – они меняются на определенных этапах исторического развития. М. Попова в книге "Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании", обращала внимание на тот факт, что конкретные воплощения национальной идентичности, ее инварианты с недавнего времени стали называть "русскостью", "английством", "американством", "ирландством" и так далее.²⁵ Всего существует два аспекта национальной идентичности: гражданско-правовой - нация — это граждане,

---

²² Романовская Е. Идентичность и коммеморация [Электронный ресурс] // Власть. 2015. №7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-kommemoratsiya> (дата обращения: 04.05.2017).

²³ Там же.

²⁴ Попова М. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. - Воронеж.: М.К. Попова, 2004. – С. 12.

²⁵ Попова М. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. - Воронеж.: М.К. Попова, 2004. – С. 16.

которые каким-либо образом вовлечены в управление государством; и этническо-культурный аспект – нация – это общность людей, объединенная одним языком, культурой, историей, традицией, территорией.²⁶

Исследование национальной идентичности можно проводить как с помощью синхронического метода, так и с помощью диахронического. Синхронический подход позволяет показать, каким является самообраз нации в данный период ее развития. Объектом синхронического исследования может быть и коллективная, и индивидуальная идентичность. Такое исследование фокусируется на особенностях понимания всей нацией себя в определенный исторический период и на том, с какой нацией и почему идентифицирует себя отдельный человек, как это проявляется в его деятельности. В рамках диахронического подхода, "национальная идентичность" - это набор представлений наций о самой себе, слагающийся в разные исторические эпохи существования народа. При диахроническом анализе в центре внимания оказывается процесс формирования самобраза нации через осознание ею своей этнической и культурной специфики.²⁷ В данной работе мы прибегнем именно к синхроническому методу, поскольку объектом нашего анализа станет не только коллективная идентичность американского южного региона, но также индивидуальная идентичность отдельного человека, который принадлежит этой нации/региону и обладает ее характеристиками.

Поскольку наша работа будет посвящена исследованию не просто американской идентичности, но идентичности американского Юга, одним из основных терминов нашей работы станет «региональная идентичность», которая, как правило, существует в рамках национальной идентичности и является еще одним вариантом коллективной идентичности.

Определение понятия «региональная идентичность» до сих пор остается неоднозначным, в основе региональной идентификации жителей лежит

---

²⁶ Там же. С. 17.

²⁷ Попова М. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. - Воронеж.: М.К. Попова, 2004. – С. 17.

естественная потребность индивидов иметь своё пространство, свой определённый географический участок.²⁸ Исследователь Александр Герасимов в своей статье «Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке» писал: «Региональная идентичность проявляется в формировании определённой системы ценностей и норм поведения жителей региона. Её можно обнаружить в местном фольклоре, преданиях, мифах, местной интерпретации истории страны и т. п.»²⁹

Большинство исследователей сходятся во мнении, что региональная идентичность является полномасштабным, многоуровневым феноменом. Так политолог Майкл Китинг выделяет три пласта региональной идентичности: первый пласт — когнитивный, он связан с процессом осознания существования региона, его географических пределов, сравнения своего региона с другими, а также с нахождением ключевых характеристик региональной особости таких, как язык, кухня и история; второй — эмоциональный, он включает способ восприятия людьми своего региона и ощущение важности региональной идентификации по сравнению с другими, например, классовой и национальной; третий пласт — инструментальный, на уровне которого регион рассматривается в качестве основы для коллективных действий в преследовании общих для жителей региона целей.³⁰ Региональная идентичность, как правило, может быть рассмотрена на двух уровнях: культурном и стратегическом. Стратегический уровень подразумевает рассмотрение сознательного изобретения жителями региона своей уникальности, своего позитивного регионально имиджа, который служит не только для продвижения позитивного образа вне региона, но также для улучшения позитивного восприятия его жителями. Культурный уровень - это некие характеристики региональной уникальности, то, о чем жители региона думают,

---

²⁸ Герасимов А. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // Вест. Псковского гос. ун-та. Серия «Естественные и физико-математические науки». - Псков.: ПсковГУ – 2013. – №3. – С. 58.

²⁹ Там же. С. 23.

³⁰ Герасимов А. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // Вест. Псковского гос. ун-та. Серия «Естественные и физико-математические науки». - Псков.: ПсковГУ – 2013. – №3. – С. 58.

как об общем для всех. В нем объединены черты регионального сообщества, начиная от культурно-исторического наследия и заканчивая формированием особой ментальности жителей данного региона. Также культурный уровень региональной идентичности наполняют мифы и символы. Как правило в регионах существуют различные мифы, это могут быть мифы об «особом» региональном государстве; особой исторической миссии провинции и особом народе, населяющем провинцию; о первоначальном заселении территории и первопоселенцах, преодолевающих сопротивление сил природы и коварных жителей; «золотом веке» провинции; «своих» и «чужих» и т.д.³¹ Ко всему этому можно прибавить еще и внешний уровень, который также является элементом региональной идентичности, - это восприятие региона извне, образы региона сформированные "людьми извне" и результаты рефлексии жителей региона по отношению к этим образам.³²

Если говорить о месте региональной идентичности в общей структуре идентичностей, то тут исследователи также не в состоянии прийти к консенсусу. Однако, чаще всего региональная идентичность рассматривается в качестве одного из уровней территориальной идентичности, которая строится иерархически: верхнюю ступень занимает национальная идентичность, определяемая по гражданству, а не по национальности; нижняя ступень отдана региональной или локальной идентичности. Таким образом, национальная и региональная идентичность существуют в симбиозе: человек одновременно обладает какими-то характеристиками, типичными для всей нации, т.е. элементами национальной идентичности, и в то же время является носителем идентичности своего региона. По утверждению А. Герасимова, человек чаще всего идентифицирует себя со своим поселенческим социумом, т. е. в обычной ситуации он отдаёт приоритет своей локальной или региональной идентичности и

---

³¹ Назукина М. Структурные уровни региональной идентичности в современной России [Электронный ресурс] // Журнал «Регионология». 2011. №4. URL: <http://regionsar.ru/tu/node/809> (дата обращения: 07.02.2017).

³² Назукина М. Структурные уровни региональной идентичности в современной России [Электронный ресурс] // Журнал «Регионология». 2011. №4. URL: <http://regionsar.ru/tu/node/809> (дата обращения: 07.02.2017).

только потом национальной идентичности. В стабильном обществе, с устойчивой национальной идентичностью, региональная идентичность, как правило не выходит на первый план, но в условиях кризиса национальной идентичности «региональная идентичность может составить ей конкуренцию и даже поставить под угрозу единство страны».³³ Отличной иллюстрацией к подобному сценарию служит Гражданская война в США, когда кризис национальной идентичности привел к выходу региональной идентичности на первый план, что и стало началом буквального раскола страны на два противоборствующих региона: Север и Юг.

1.3. Региональная идентичность Юга США

Эрик Эриксон, высказал мнение, что первые попытки сформулировать и концептуально оформить содержание и понятие идентичности были сделаны в стране иммигрантов – Соединённых Штатах Америки. Множество исследований идентичности посвящено именно этой стране, поскольку американцы – сравнительно молодая нация, и формирование национального самосознания здесь шло особым, сильно отличным от европейских стран путем в силу исторических истоков и мультикультурности нации. Тут следует сделать уточнение, что понятие американской идентичности часто является взаимозаменяемым с понятиями «американская нация», «американский национальный характер», поскольку именно с момента осознания особенностей американского национального характера и того, что же означает – быть американцем, связывают возникновение, а позже и утверждение американской национальной идентичности.³⁴ Расхождение в сущности понятий – американская идентичность, американская нация,

---

³³ Герасимов А. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // Вест. Псковского гос. ун-та. Серия «Естественные и физико-математические науки». - Псков.: ПсковГУ – 2013. – №3. – С. 78.

³⁴ Бурейко Н. К вопросу об американской национальной идентичности (политико-идеологические факторы ее становления) [Электронный ресурс] // Международный электронный научный журнал. 2013. URL:<http://st-hum.ru/content/bureyko-nn-k-voprosu-ob-amerikanskoy-nacionalnoy-identichnosti-politiko-ideologicheski> (дата обращения: 19.01.2017).

американский национальный характер – зачастую является абсолютно неясным, различия между ними – размытые, а в общем использовании эти выражения так или иначе выступают синонимами.³⁵

Процесс формирования американской национальной идентичности начался еще с прибытием первых колонистов. Эти переселенцы в массе своей были белыми британцами и протестантами. Их философия, их традиции, их культура заложили основы американского общества и на многие годы вперед определили путь развития Америки; их цели и ожидания от Нового Света, их опыт проживания на абсолютно незнакомой земле – все это стало первым шагом на пути формирования уникальной американской национальной идентичности.

Первые колонисты-пуритане бежали от религиозных гонений в Европе в Америку в надежде построить здесь новый, лучший мир, воплотить все свои мечты и идеи. Америка изначально виделась колонистами как полный возможностями Новый Свет, альтернатива Старому. Более того власть католицизма в Европе по-прежнему была огромной, а последователей протестантизма становилось все больше. Единственным выходом для множества угнетаемых пуритан было бегство от старого, агрессивно настроенного против них мира в мир Новый, в котором не будет королей и удушающего давления католической церкви.

Таким образом, первые колонисты принесли с собой ряд основных принципов, которые в будущем станут определяющими для американской национальной идентичности: христианская религия, протестантские ценности и мораль, этика трудолюбия, английский язык, британские традиции права, справедливости и ограничений власти правительства, даже идеи демократии были привезены в Америку первыми поселенцами. Однако, хотя в это время и был заложен фундамент для американской национальной уникальности, началом формирования американской национальной идентичности общепринято считается провозглашение независимости Соединенных Штатов Америки от

---

³⁵ Там же.

Великобритании. 4 июля 1776 года Соединенные Штаты Америки подписали Декларацию Независимости и тем самым избавились от угнетающей их британской зависимости. С этого времени колонист-пуританин начал трансформироваться в американца, обладающего отличным от британского английским языком, своеобразным психологическим складом, этнической общностью, не говоря уже о манерах поведения, отличающих американцев от европейцев.³⁶

Финальным этапом в формировании американской национальной идентичности стала Гражданская война в США. Экономический и идеологический конфликт между Южными и Северными штатами, повлекший за собой самую кровопролитную войну в истории США, стал точкой опоры для осознания американцами своей национальной идентичности в конце 19-го и начале 20-го века. Согласно многим исследователям истории и культуры США, гражданская война была не просто кризисом национализма, но кризисом двух национализмов, северного и южного. Именно поэтому после нее американцы задались вопросом «Являемся ли мы нацией?».³⁷

Американская нация родилась в Гражданской войне и вместе с ней появились американский национализм и патриотизм такими, какими мы их знаем и по сей день. 28-й президент Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсон заявлял, что Гражданская война «создала в этой стране то, чего в ней никогда ранее не существовало — национальное сознание»³⁸. Гражданская война стала причиной утверждения множества уникальных особенностей американского национального характера. Так, после победы Севера, черты аристократического, рабовладельческого Юга стали уходить в прошлое, а характерные черты янки с Севера стали приобретать универсальный характер. Янки перестали быть

---

³⁶ Шестаков В. Американская культура: в поисках национальной идентичности [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2012. №4. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/168.html&j_id=12 (дата обращения: 04.05.2017).

³⁷ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы Американской Национальной Идентичности. - М.: Транзиткнига, 2004. – С. 95.

³⁸ Там же.

илицетворением только Северных колоний и постепенно стали обозначением всей нации, несмотря на сильные региональные различия страны.

Однако, говоря о проблеме американской идентичности, мы не можем обойтись лишь термином национальная идентичность. Многообразие и особенности формирования такой страны, как США, а также тот факт, что объектом исследования данной работы являются романы о Южном регионе Соединенных Штатов, заставляют нас обратиться к таким терминам, как южная региональная идентичность.

В силу необычных условий формирования США, в этой стране каждый обладает как региональной, так и национальной идентичностью. До Войны за Независимость, граждане британских колоний считали себя прежде всего британскими подданными. После разрыва с Британией жители колоний превратились в американцев и была сформирована новая национальная идентичность, однако эта идентичность была сформирована не только вокруг идеи единых Соединённых Штатов, многие видели себя прежде всего жителями и гражданами штата, в котором они проживают. Люди ассоциировали себя, прежде всего, со своим местным окружением, ассоциировали свою идентичность со своим штатом, так как молодая страна еще не была связана в единую национальную единицу, несмотря на революцию. Безусловно, американцы любили свою страну и ценили свою национальную независимость, но, тем не менее, население США считало, что в первую очередь они жители своего штата, а уже потом жители своей страны. Однако, когда мы говорим о региональных идентичностях США, мы прежде всего говорим о трех главных исторически сложившихся регионах: Север, Юг и Запад. Каждый регион обладает своей уникальной историей, географией, климатом – все эти региональные различия отражаются в различиях между жителями этих регионов.³⁹ Каждый из этих регионов обладает своей собственной уникальной идентичностью, которая была

---

³⁹ Ayers E. All Over the Map: Rethinking American Regions. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. – P. 37.

сформирована с течением времени, благодаря общему опыту и общей культурной памяти его жителей. По сути, американские региональные идентичности, как правило, укрепляют национальные ценности, но делают это по-разному. Каждый из регионов охватывает часть идеалов, которые изначально виделись еще отцам основателям, как воплощение концепта той страны, которую они пытались построить. Каждая из этих региональных идентичностей интересна по-своему: Западный регион относительно молод, региональная идентичность Севера после гражданской войны практически стала неотличимой от национальной идентичности США, но именно Южный регион наиболее своеобразен и обладает даже неким ореолом таинственности, в силу своеобразной истории формирования и благодаря укладу жизни.

Вся Америка изначально виделась поселенцам как некий Рай, Новый Мир, место, в котором возможно построить новое, идеальное общество и идеальное будущее. Однако, Южные колонии в Виргинии стали своеобразным Эдемом. Южное, изолированное от всей Америки общество строило Рай согласно своим собственным представлениям, отличным от пуританских Северных колоний. Литераторовед Ричард Грей писал: «История заставляет нас оглянуться назад, на 17 и 18 века, когда Виргиния, затем Мэриленд, Каролина и Джорджия возникли как колонии. Люди, пришедшие поселиться в этих местах, вторглись в чужой новый мир на другом от их родной Англии конце света. Но, что поражает нас в их описаниях этой земли, так это не ощущение своей чуждости, а, скорее, близости к ней - своеобразное чувство дежавю, исходящее из того, что поселенцы воспринимали южные колонии, как место, подходящее для возрождения былого стиля жизни, утратившего свои очертания на родине. Фактически «Новый Эдем», который они увидели в Виргинии, был в большей степени идеализированной версией исторического прошлого, чем проекцией будущих возможностей».⁴⁰

Юг превратился в мир аристократов, живущих насыщенной интеллектуальной жизнью в белоснежных особняках с колоннами, построенных в

---

⁴⁰ Arnold E. Perspectives on Cormac McCarthy. –Jackson: University Press of Mississippi, 1999. – P. 63.

подражание античной архитектуре, мир рыцарей и настоящих леди. Южный регион обладал своим устоявшимся образом жизни и уникальной идентичностью. Однако, после поражения в Гражданской войне этот устой жизни был полностью разрушен.

Оказавшись во власти победителей, жители южного региона отчаянно сопротивлялись новым порядкам и всеми силами пытались сохранить свой образ жизни, свои ценности и традиции, это привело к тому, что Южный регион США превратился в еще более изолированное сообщество, всеми силами сопротивляющееся наступающему с Севера прогрессу. Проводимая Севером Реконструкция не принесла никаких результатов: освобождение рабов, повышение налогов привело к разорению прежде богатых жителей Юга и привело население в ярость. В экономическом отношении Южный регион пришел в упадок, провал индустриализации привел к тому, что Юг превратился в обнищавший, расистский сельский регион, с самым низким уровнем дохода и уровнем образования в стране.⁴¹ Конечно, подобные кардинальные изменения оказали определенное влияние на процесс самоидентификации жителей Южного региона. Столкнувшись с невозможностью продолжать свой образ жизни, жители Юга были вынуждены пережить, кризис идентичности – поворотный момент развития, когда они должны были адаптироваться к новой реальности. Отказавшись перенять образ жизни и ценности Севера, южане продолжили цепляться за образ жизни довоенного Юга, который уже являлся несостоятельным в условиях послевоенного Юга. Не в состоянии двигаться дальше, южане пытались адаптировать старые ценности и взгляды под новый мир, но проваливаясь в своих попытках, они все глубже погружались в состояние кризиса, их представления о мире не сходились с реальностью. Это привело к тому, что жители Юга застряли в своеобразном лимбе, отказываясь меняться в уже в изменившемся мире, что привело к постепенному обесцениванию всех ценностей и моральному упадку.

---

⁴¹ Римини Р. Краткая история США. - СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. – С. 289.

1.4. Южная литературная традиция и «южный миф»

Главной особенностью «южного мифа» является тот факт, что он никогда не существовал в реальности, по крайней мере в том виде, в котором он описывался в литературе.⁴²

Согласно И.В. Морозовой, «южный миф» является одной из самых устойчивых культурно-исторических парадигм США. Этот термин подразумевает целый комплекс идей и представлений, в той или иной степени отражающих некий устойчивый образ Юга. «Южный миф» был не просто некой социально-культурной парадигмой, но определенным типом осмысления себя, где убежденность в своей избранности, исключительности породила определенный тип мифологического мышления, в котором «миф — не идеальное понятие, и так же не идея и не понятие. Это и есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью...»⁴³ «Южный миф» для южного сознания являлся реальностью, люди основывали на нем свои убеждения и действовали так, как будто миф является истиной.

Причиной возникновения «южного мифа» явилась необходимость отстаивать и защищать общественные ценности и социальные установления рабовладельческого Юга в условиях нарастающих противоречий между Севером и Югом.⁴⁴ Даже более существенным для формирования «южного мифа», был тот факт, что южанами социально-политический вопрос о сохранении рабовладения рассматривался не как региональный вопрос. Для них он перерастал в проблему гораздо более масштабную — проблему сохранения общечеловеческих

---

⁴² Переяшкин В. "Южный миф" в литературе США: генезис и эволюция [Электронный ресурс] // ПГУ: [сайт]. [2012]. URL: http://pglu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2974&ELEMENT_ID=12684 (дата обращения: 15.02.2017).

⁴³ Морозова И. Проблема становления «южного мифа» в культуре и литературе США // Филологические записки: «Вестник литературоведения и языкоznания». - Воронеж.: Воронежский университет, 2005. №23. - С. 187.

⁴⁴ Там же. С. 188.

гуманитарных ценностей, традиции демократии и идей республики, а особое значение играла присущая южной культуре тенденция ассоциации своего региона с античным миром.⁴⁵

И. В. Морозова в своей статье «Проблема становления «Южного мифа» в культуре и литературе США» пишет: «Южане рассматривали себя в качестве прямых продолжателей культурного наследия античной цивилизации и носителей чистых идей республики как ассоциации конфедерации, что порождало убежденность в своей исключительности и укрепляло представление о Юге как об особом субъекте с особой миссией. Поэтому любая критика южного образа жизни воспринималась как посягательство на идеалы республики и на культуру, построенную на этих идеалах». ⁴⁶

Конечно, южане искренне верили в свои идеалы и в свое идеальное общество. Морозова пишет, что такие устойчивые основополагающие понятия «южного мифа», как «кодекс чести», «южная леди» и «южный джентльмен», а также представление о Юге США, как о крае обширных плантаций, мирного и созидательного общинного труда, и всеобщего процветания, где отношения между людьми строятся на основе христианских заповедей, обусловлены тем, что в какой-то степени все это существовало в действительности. ⁴⁷ Однако правда такова, что рядом с великолепными усадьбами белых аристократов стояли хлипкие бараки для черных рабов, утонченные и образованные аристократы не были такими уж утонченными и образованными, а «кодекс чести» часто превращался в кровопролитные, бессмысленные конфликты между соседями. «Южный миф» был декорацией, иллюзией, которая не только существовала в головах жителей Юга, но закрепилась южной литературой.

Такое понятие, как «южная литература» или «южная литературная традиция»,

---

⁴⁵ Морозова И. Проблема становления «южного мифа» в культуре и литературе США // Филологические записки: «Вестник литературоведения и языкоznания». - Воронеж.: Воронежский университет, 2005. №23. - С. 190.

⁴⁶ Там же. С. 192.

⁴⁷ Там же.

появилось лишь в начале 19-го века.⁴⁸ Однако, к произведениям южной литературы относят еще произведения капитана Джона Смита, написанные в 17-ом веке и все последующие произведения южан, даже «Декларацию Независимости» написанную Томасом Джефферсоном.

Тем не менее, именно в начале 19-го века, после провозглашения США независимости, когда сильное отличие южной культуры от остальной части молодой страны стало наиболее заметно, сформировалась южная литература со своей собственной литературной традицией: «В ней сложилась особая система персонажей: в центре произведения обычно стояли стереотипные образы «южной леди» и «благородного южного джентльмена», которые беспрекословно подчиняются кодексу чести. Им противопоставлены «негодяи-янки», неспособные понять духовное превосходство южан. Здесь же – «преданные рабы», готовые отдать жизнь за хозяев, а также «плохие», «хитрые негры», чье поведение обычно осуждается истинными южанами».⁴⁹

Большая часть довоенной южной литературы этого времени была посвящена описаниям плантаторской жизни, «аркадианской утопии», сущность которой сводится к идеализации всех сфер южной жизни (Дж.П. Кеннеди «Ласточкин сарай»), идеализированному изображению рабства(У. Г. Симмз «Меч и прялка»), значимости истории Юга (У. Г. Симмз «Йемасси», Д. Такер «Долина Шенандоа»). Исходя из соображений необходимости защиты своего региона от нападок Севера, писатели показывали в своих романах все самые положительные черты южной общины и южан, изображая их как носителей христианской морали и высоких нравственных ценностей всего цивилизованного мира.⁵⁰ Южная литература создавала некий идеальный образ Юга, который стал неким фундаментом, на котором позже «южный миф» обосновался в литературе. Однако

---

⁴⁸ Переяшкин В. Творчество американских писателей второй половины XX века в контексте южной литературной традиции: автореф. дис. ... канд./д-ра фил. наук.: МГУ, 2010. – С. 12.

⁴⁹ Там же. С. 14.

⁵⁰ Морозова И. Проблема становления «южного мифа» в культуре и литературе США // Филологические записки: «Вестник литературоведения и языкоznания». - Воронеж.: Воронежский университет, 2005. №23. - С. 185.

в литературе этого времени все еще сохранялось то чувство нереалистичности, невозможности воплощения идеала в реальность.

Как можно догадаться, появление «южного мифа» в южной литературе, по мнению большинство исследователей, связано именно с периодом после Гражданской войны. Авторы этого времени настойчиво изображали великий Старый Юг, как единственное место, где было возможно сохранение нравственных ценностей христианства и демократических принципов.⁵¹ Многочисленные описания солнечного климата, неувяддающих садов вызывали ассоциации с Эдемом и формировали устойчивые представление о Старом Юге как о райском саде, месте гармонии, избранном Богом.⁵² Авторы этого периода пользовались очень строгой системой отбора материала, которым они владели, поэтому все, что не соответствовало их собственному представлению о Юге, отбраковывалось и не находило места в тексте, глубоко укорененном в «Южный миф». ⁵³

Однако, в тот же момент начала появляться литература, которая отвергала любую ностальгию по Старому Югу и обличала его социальные проблемы, такие как рабство и расизм, а также его культуру, или точнее, ее частое отсутствие. «Антиюжные тексты» стали планомерно разрушать «Южный миф».⁵⁴ Такие авторы, как Марк Твен, показывали, что никакого идеального, великого Старого Юга в принципе никогда не существовало. Писатель Чарльз Чеснант отвергал всякую ностальгию по Старому Югу, указывая на расизм и эксплуатацию негров. После проигрыша в Гражданской войне, идеализированный «аркадианский» «Южный миф» превратился в миф трагический, позитивно-восторженный пафос

---

⁵¹ Морозова И. Проблема становления «южного мифа» в культуре и литературе США // Филологические записки: «Вестник литературоведения и языкоznания». - Воронеж.: Воронежский университет, 2005. №23. - С. 184.

⁵² Там же. С. 196.

⁵³ Морозова И. «Южный миф» в творчестве писателей Старого Юга. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2004. – С. 25.

⁵⁴ Там же. С. 28.

мифа сменился на негативно-отрицательный.⁵⁵

Это трагическое прочтение «Южного мифа» стало неотъемлемой частью творчества авторов Южного Ренессанса в 20-х-30-х годах 20-го века. Такие авторы, как У. Фолкнер, Т. Вулф, Т. Уильямс, в своем творчестве проникли в глубинные смыслы и коды «Южного мифа» как особого мироощущения и специфического способа художественного освоения действительности.⁵⁶

Одним из первых деятелей Южного Ренессанса стала группа литераторов, возникшая в стенах Вандербильдского университета в г. Нэшвилл, штат Теннесси, и учредившая журнал «Фьюджитив». Членами этой группы были такие южные авторы, как А. Тейт, Р. Уоррен и Д.К. Рэнсом, они утверждали, что бегут «от высшей касты браминов Старого Юга», при этом именно сентиментальность Старого Юга преобладала в их произведениях.⁵⁷

Движение южных «агариев» оказало большое влияние на литературу и на всю социальную и культурную жизнь Юга.⁵⁸ Они выступали против тотальной индустриализации Юга. Они были против коммерциализации всех сфер человеческой жизни, и плантаторская жизнь Старого Юга представлялась им «потерянным раем», гармоничным сообществом, в котором отношения между людьми были простыми и естественными.⁵⁹ Они выступали против обезличивания и обесценивания человека и рассматривали прошлое, как критику настоящего. Хотя они понимали невозможность возвращения к довоенному состоянию Юга и признавали неизбежность индустриализации, они хотели ограничить ее определенными рамками, поддержать аграрный уклад региона и сохранить автономию Юга в области морали, социальной жизни и экономики.

---

⁵⁵ Морозова И. Проблема становления «южного мифа» в культуре и литературе США // Филологические записки: «Вестник литературоведения и языкоznания». - Воронеж.: Воронежский университет, 2005. №23. - С. 196.

⁵⁶ Там же. С. 197.

⁵⁷ Andrews W. The Literature of the American South: A Norton Anthology. - New York: W.W. Norton, 1998. - P. 249.

⁵⁸ Архангельская И. Концепт "Американский Юг" в романе У. Фолкнера "Непобежденные" // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - НН.: Изд-во ННГУ, 2104. - С. 99.

⁵⁹ Там же.

Идеи «аграриев» нашли отражение даже в романах таких авторов, как У. Фолкнер и М. Митчелл - писателей, не участвовавших в движении «аграриев», но во многом разделявших их взгляды.⁶⁰

Авторы переосмысливали историю своего края и поэтому большинство писателей южан обращались к жанру исторического романа: С. Янг, М. Митчелл, А. Тейт, У. Фолкнер и многие другие, причем теме Гражданской войны были посвящены большая часть их произведений.⁶¹

Основными темами были утрата Старого Юга и переход к Новому Югу, жизнь Южного региона с бременем памяти о временах рабства и военном проигрыше. А. Тейт определил главный предмет изображения авторов Южного Ренессанса в одном предложении: «...разрушения войны и деградация из-за чужаков и прохвостов, а также следующее за ними отсутствие моральной силы и воображения в условиях циничного и материалистического Нового Юга; или поражение противоборствующего рабовладельческого класса после частичного возвращения власти через унизительные альянсы с Северной столицей, и новый морально развернутый коммерческий класс местного происхождения».⁶² Независимо от того, какую интерпретацию выбирал автор, важно то, что эта тема всегда присутствовала в литературе Южного Ренессанса. Южный писатель мог романтизировать ее или опровергать, или расширять до образа общечеловеческой ситуации, но он не мог от нее сбежать.⁶³

Одним из самых известных писателей, творивших в этот период был У. Фолкнер. Он создал свой собственный кусочек Юга, вокруг Йокнапатофа, где разворачивается действие в большинстве его произведений. Фолкнер пытался нарисовать абсолютную картину Нового Юга со всей его красотой и уродством на примере этого маленького, закрытого мира.

---

⁶⁰ Архангельская И.Б. Концепт "Американский Юг" в романе У. Фолкнера "Непобежденные" // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - НН.: Изд-во ННГУ, 2104. – С. 99.

⁶¹ Там же. С. 100.

⁶² Gray R. A companion to the literature and culture of the American south. - Malden: Blackwell Pub, 2004. – P. 159.

⁶³ Ibid. P. 168.

В соответствии с традициями «южной школы» он ставит в центр своих произведений историю семей, в которых еще сильна память прошлого, память о великом Старом Юге, о благородных деяниях южан во время Гражданской войны и их трагическом, но достойном проигрыше. Они цепляются за старую жизнь, но им не хватает «того самого принципа, который в соответствии с «южным мифом» придал бы их поступкам ореол славного, трагического и возведенного подвига».⁶⁴ Становление героев Фолкнера происходит под непосредственным воздействием типично южных стереотипов, спроектированных на индивидуальное сознание».⁶⁵ Он не просто рассказывает истории людей, но последовательно выстраивает образ Юга и демонстрирует своеобразие южной региональной идентичности.

Многие другие представители «Южной Школы», как и Фолкнер, описывали Юг и его упадок: экономический, социальный, моральный, культурный и даже религиозный. Они описывали проблемы Южного региона и старались пролить свет на тяжелое положение южан, вынужденных приспосабливаться к новому образу жизни. Однако, произведения этих авторов, хоть и пытающиеся нарисовать более или менее достоверную картину Юга, все еще несут на себе определённый романтический налет, некую веру в некогда великую и прекрасную южную идею, которая оказалась растоптана современным миром. Они верят, что на Юге сохранились нравственные ценности, которых попросту нет на Севере. Их герои все еще пытаются вести себя как леди и джентльмены, они все еще пытаются жить по законам чести, даже если их попытки не всегда успешны, а их мораль и поведение часто испорчены современным миром. Эти авторы изображают некогда великий и прекрасный Старый Юг, который находится в состоянии медленного умирания и превращения в Новый Юг.

1.5. Кормак Маккарти

---

⁶⁴ Савюренок А. Романы У. Фолкнера 1920-1930-х годов. - Л.: ЛГУ, 2007. – С. 48.

⁶⁵ Там же. С. 79.

Кормак Маккарти – выдающийся американский прозаик и драматург, современный классик, чье творчество только недавно начало привлекать к себе взгляд массовой аудитории. Маккарти категорически отказывается продвигать свои книги, крайне редко дает интервью и не любит рассуждать о своем творчестве, что делает его творчество интересным объектом исследования.

Писатель родился 20 июля 1933 года в Провиденсе, штат Род-Айленд. Однако в 1937 году семья Маккарти переехала в Ноксвилл, штат Теннесси, где он вырос и закончил школу. После ее окончания он поступил в Теннессийский университет, где два года изучал гуманитарные науки. В 1953 году Кормак Маккарти был призван в армию, но после вернулся в университет, где и начал свою писательскую карьеру. Два рассказа, опубликованных в студенческой газете в 1959 и 1960 годах, стали его литературным дебютом и принесли начинающему автору первые награды. В 1965 году в издательстве «Рэндом Хаус» вышел его первый роман, написанный под влиянием Уильяма Фолкнера – «Хранитель сада» (*"The Orchard Keeper"*). Годом позже был опубликован второй роман, «Внешняя тьма» (*"Outer Dark"*). Он получил благосклонную критику, но долгое время оставался незамеченным в читательской среде. В 1967 году Маккарти вернулся в Америку и поселился в городке Рокфорд, штат Теннесси. В 1973 году выходит роман «Дитя Бога» (*"Child of God"*), получивший крайне неоднозначную критику. В романе автор не только экспериментировал с литературной формой, перемешивая различные стили и полностью игнорируя кавычки, но и затрагивал, еще смелей чем прежде, "опасные" темы - сексуальные извращения, насилие, расизм. В 1976 году Маккарти переехал в Эль Пасо, штат Техас и через три года опубликовал четвертый роман, над которым писатель работал почти двадцать лет – «Саттри» (*Suttree*). Этот роман стал последним в череде «южных» романов Маккарти. В 1985 году был опубликован первый его общепризнанный шедевр – «Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на Западе» (*"Blood Meridian, or the Evening Redness in the West"*). Однако настоящее признание пришло к Макарти с выходом в 1992 году романа «Кони, кони...» (*All the Pretty Horses*), вместе с «За-

чертой» ("The Crossing", 1994) и «Содом и Гоморра: Города окрестности сей» ("Cities of the Plain", 1998) образующие так называемую "Пограничную трилогию". В 2005 году вышел в свет его роман «Старикам тут не место» (No country for old man), а в 2006 Маккарти получил Пулитцеровскую премию за свой последний роман «Дорога». Это роман получил признание как критики, так и массовой публики и вызвал небывалый интерес ко всему творчеству Маккарти.

Как правило, работы писателя принято делить на так называемые «южные» и «западные» романы. Очевидно, что в «южных» романах действия происходят на Юге, в районе гор Аппалачи, это места, где Маккарти вырос; а действия более поздних «западных» романов происходят на Западе Соединенных Штатов Америки.

Объектом данного исследования были выбраны самые ранние романы Маккарти: «The Orchard Keeper»/«Хранитель Сада», «Outer Dark»/ «Внешняя Тьма», «Child of God»/«Дитя Бога», которые относятся к его «южному» циклу. Они на удивление мало исследованы, как зарубежной, так и отечественной филологией. Именно выбор романов обуславливает фокусировку нашего исследования не просто на проблеме американской национальной идентичности, но на проблеме региональной, а именно южной идентичности.

Для своих романов Маккарти выбрал хорошо знакомое ему место, штат Теннесси, где он вырос. По сути данная географическая локация и обусловила большинство тем и проблем, так или иначе описываемых Маккарти в романах. Это один из тех Южных штатов, что часто становились местом действия произведений самых знаменитых представителей «Южной школы» в американской литературе; таких как У.Фолкнер, У. Стайрон, К. Маккаллерс, Ф. О'Коннер и др. «Автобиографизм», «мистика», «объективизм» - все это самые известные приметы Южной традиции. И, по мнению многих критиков, молодой автор вступил в скрытую полемику со своими знаменитыми предшественниками, предложив свою картину жизни американского Юга.

Территории Теннесси были заселены несколько позже чем те же Вирджиния и Северная Каролина, и как следствие, Теннесси традиционно был менее развит.

Если Вирджиния была культурным центром Южного региона, населенным пафосными богачами, Теннесси был фермерским штатом, где в большинстве своем жили очень консервативные и глубоко религиозные люди. По этой причине традиционно штат Теннесси считается частью «Библейского пояса» Америки – территории, простирающиеся от южной части Вирджинии и Западной Вирджинии до юга Миссури на севере, и южной Флориды на юге.⁶⁶ «Библейский пояс» - это регион, где главным аспектом культуры является евангелический протестантизм, играющий большую роль в обществе и политике.

В культуре и литературе, образ этого региона ассоциировался с упадком и нищетой, оторванностью от внешнего мира, население этого региона изображали, как необразованных, склонных к импульсивным актам насилия людей. Джон Шелтон Рид в своей книге "Выносливый Юг: субкультурная стойкость в массовом обществе" отметил, что эта местность всегда служил "Югом для Юга"⁶⁷. Другими словами, все негативные стороны жизни присущие Южному региону, не просто присутствовали на территориях Аппалачи, но доминировали над всеми другими аспектами жизни региона, как бы создавая абсолютную картину всех изъянов и проблем Юга.

Представляется, что Кормак Маккарти стал описывать Восточный Теннесси не просто потому, что эти места ему хорошо знакомы, но потому, что своеобразная культура и история этого региона позволили ему проиллюстрировать свои убеждения о состоянии Южного региона после Гражданской войны и о «южном мифе».

Когда после проигрыша в Гражданской войне, традиционному южному образу жизни пришёл конец, довоенный Юг стали называть «Старым Югом». Такое понятие как «Новый Юг» родилось, как слоган Реконструкции, призывающий Юг к модернизации и отказу от экономики и традиций Старого Юга и полной интеграции с Соединёнными Штатами. Однако этим целям не

---

⁶⁶ Rosenberg M. The Bible Belt in the United States. [Electronic resource] // ThoughtCo, URL: <https://www.thoughtco.com/the-bible-belt-1434529> (дата обращения: 18.02.2017).

⁶⁷ Reed J. The Enduring South: Subcultural Persistence in Mass Society. - Chapel Hill: UNC Press Books, 1986. – P. 44.

суждено было воплотится в жизнь. Юг так и остался чрезвычайно изолированной, медленно приходящей в упадок частью страны, поскольку южане весьма активно сопротивлялись всему новому. Даже в 20-е, 30-е и 40-е годы, во время всеобщей урбанизации страны, Юг оставался таким же, как и десятилетия назад, «южане обрабатывали землю, убирали урожай и страдали от хронической депрессии в сельском хозяйстве».⁶⁸

Именно этот период неопределенности описывает Маккарти, период, когда Юг застыл во времени и не мог двинуться ни вперед, ни назад, медленно приходя в состояние полного культурного и экономического упадка. Он согласен со своими предшественниками в том, что историческая эра великого Старого Юга уже прошла, но отказывается воспринимать послевоенный Юг, как Новый, в его мире существует лишь островки, которые предпринимают жалкие попытки модернизации. Поэтому для удобства проводимого исследования, за неимением более точной терминологии, мы все же будем называть Юг, который описывает Маккарти «старым Югом», а те области региона, в которых предпринимаются попытки модернизации, но которые все еще не могут быть названы Новым Югом, «новым миром».

Маккарти описывает свой «старый Юг», как место, застывшее во времени. Несмотря на то, что события всех трех романов происходят в разные периоды времени от 20-х до 50-х годов, окружающая обстановка и уклад жизни южан практически не меняется. В регионе царят нищета и разруха, а людское существование безнадежно и бессмысленно. Еще на первых страницах своего дебютного романа «Хранитель сада», автор предлагает свою картину «старого Юга» и его жителей: «...под горой располагалась старая община под названием Редбранч. ...кучка дешево и поспешно построенных лачуг, разбросанных по долине, в самых неподходящих местах.... Даже скорость, с которой они были построены не могла превзойти быстроту, с которой они приходили в упадок... Гангренозные острова плесени дошли до самого фундамента еще до того, как на эти дома положили крыши. Грязь покрывала их стены, а краска слезала и

---

⁶⁸ Римини Р. Краткая история США. - СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. – С. 276.

отваливалась белыми, длинными кусками. Казалось будто какая-то ужасная чума валила их один за другим. Эти дома были сданы семьям изможденных людей с глубоко ввалившимися глазами... они плодились так быстро, что казалось их жизнь посвящена созданию отпрысков, которые босые и оборванные часами сидели на крыльце, словно жертвы какой-то ужасной катастрофы они смотрели на опустошенную землю с выражением ни надежды, ни удивления, ни отчаянья. Они приходили и уходили ... каждая последующая семья была репликой той, что была раньше...».⁶⁹

Этот Юг так и не оправился от разрушительных последствий проигрыша в Гражданской войне и провальных попыток Реконструкции.⁷⁰ Это мир экстремальной нищеты и изоляции, люди живут вдалеке друг от друга, редко покидают свою землю, настороженно относятся к незнакомцам. В этом мире процветают жестокость и насилие, которое становится нормой не только для личной, но и для общественной жизни. В этом мире не осталось моральных ориентиров или каких-либо благотворных ценностей. Его населяют преступники способные на самые ужасающие преступления, от грабежа и убийства до изнасилования и каннибализма. Алкоголики и бездельники, не обремененные моралью, они обманывают свои семьи, бьют жен и коротают свои дни в местных барах. Маккарти создает картину мира без надежды, мира где не осталось ничего, кроме самых темных и страшных явлений жизни. Жители этого «мертвого» мира не ощущают течения времени, они вырваны из реальности и заперты в границах своего региона, изолированные от возможности лучшей жизни.

Эту местность и сделал своей своеобразной Йокнапатофой Маккарти, - маленький изолированный регион, который становится неким отражением всего «старого Юга», а иногда, и всего человечества.

---

⁶⁹ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 11.

⁷⁰ Monteith S. The Cambridge Companion to the Literature of the American South. - Cambridge: Cambridge University Press, 2013. - P. 189.

Глава 2. Хранитель Сада: Новый образ Юга в первом романе Кормака Маккарти

«Хранитель Сада» - первый роман Кормака Маккарти. Он был опубликован в 1965 году и получил не только премию Фонда Уильяма Фолкнера за лучший дебютный роман, но и множество положительных отзывов в национальных СМИ.

События романа разворачиваются в 20-х годах XX в., во времена «сухого закона», а местом действия становится глухой уголок Юга – маленький городок Редбранч в горах на востоке штата Теннесси. Роман начинается с убийства. Бутлегер Мэрион Сайлдер подбирает на дороге хитчхайкера Кеннета Ратнера, который пытается убить и ограбить Мэриона. Во время борьбы Сайлдер душит Кеннета, а затем сбрасывает его тело в старую яму посреди заброшенного яблоневого сада, который он хорошо знает, поскольку часто проводит здесь передачу контрабандного виски. Этот сад принадлежит старику Артуру Оунби, который позже находит тело Кеннета Ратнера, но не сообщает об этом полиции, а вместо этого начинает охранять яму и труп в ней.

Спустя несколько лет четырнадцатилетний сын Кеннета Ратнера Джон, который надеется найти убийцу своего отца и отомстить, по воле случая спасает жизнь попавшему в аварию Мэриону Сайлдеру. После этого Мэрион берет Джона под свое крыло, по сути, заменяет ему отца. Джон не знает, что Мэрион - убийца его отца, а Мэрион не подозревает, что Джон - сын человека, которого он когда-то убил.

Через какое-то время Мэриона арестовывают за контрабанду виски и сажают в тюрьму. Туда же попадает Артур Оунби, за то, что пытался уничтожить установленную на его земле властями водянную цистерну, а потом стрелял в полицейских. Его признают психически нездоровым и помещают в психиатрическую лечебницу, где он проводит остаток жизни. Джон Ратнер покидает деревню, так и не узнав правды о своем отце. Вернувшись туда через несколько лет, чтобы навестить могилу матери, он видит все тот же практически совершенно заброшенный Редбранч.

Название «Хранитель Сада» явно отсылает нас к Райскому Саду, тому самому Эдему, с которым Южная традиция так часто сравнивала Юг до Гражданской войны. Подробно описывая яблоневый сад, Маккарти создает явную аллегорию. Когда-то прекрасный, все еще производящий чарующее впечатление, но старый и запущенный, большая часть деревьев которого больна или умирает. В глубине зарослей спрятан труп – яркое олицетворение Старого Юга в его современном состоянии. Именно этот яблоневый сад составляет центр пространства романа. Он играет важную роль в судьбах всех четырех главных действующих лиц.

2.1. Артур Оунби

Артур Оунби – стариk, которому больше восьмидесяти лет, поэтому можно предположить, что он мог быть участником Гражданской войны. Это он – хранитель сада. Он живет в полной изоляции, практически не контактируя с внешним миром, почти никогда не покидая территорию сада. Его трагедия в том, что он и не хочет этих контактов, он прячется от внешнего мира и все время предается воспоминаниям о том, как хороша была жизнь раньше, при этом практически не конкретизируя, чем она была так хороша. Собирая персики в саду, он замечает, что они маленькие, жесткие и сухие, а раньше они были большие и сочные. Однажды он вспоминает о том, как раньше охотился на енотов и пум и что охота в прежние времена была лучше. Вся глубина его тоски по прошлому ощутима в кратком отрывке: «Стариk вдохнул запах плодородной земли, вспоминая другие весны, другие годы. Он задавался вопросом, как люди запоминают запахи... Не так, как что-то, что ты видишь... Воздух был наполнен запахом мускуса, казался густым и напоминал ему о чем-то еще, но он никогда не мог вспомнить, о чем...».⁷¹ Тот неуловимый запах, который ощущает Оунби, есть воплощение всего, по чему он тоскует, но он не может конкретно определить для

---

⁷¹ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 61.

себя, что же это, за исключением того, что это было у него в прошлом. Мир, по которому он скучает, умер настолько давно, что даже он не в состоянии точно вспомнить, каким же был этот мир.

Сад – репрезентация мертвого Юга, Артур Оунби – хранитель этого Юга и его мертвых ценностей. Параллель становится еще буквальней, когда Артур Оунби находит мертвое тело Кеннета Раттнера в яме на территории сада, и вместо того чтобы доложить об этом полиции, начинает охранять эту яму, как место поклонения, святилище, к которому он возвращается каждую ночь, чтобы выразить почтение: «В течение шести лет эта яма была криптою, за которой старик следил и которую охранял»⁷².

Артур Оунби создал себе иллюзию того, что время в его саду остановилось, и за его пределами ничего существует, ничего не происходит. Он наслаждается своей ролью Дядюшки Артура, как называют его местные, к которому редкие гости, внуки и сыновья его уже мертвых друзей приходят послушать истории о былом. И именно эта иллюзия сводит его с ума.

Он цепляется за свою иллюзию до конца, даже в тот момент, когда осознает, что ей пришел конец, и он проиграл в битве с внешним миром, который буквально вторгается на территорию его Райского сада. Власти округа устанавливают на его земле водную цистерну, которая должна улучшить жизнь жителей Редбранча, но он расстреливает эту цистерну из старого дробовика и атакует полицейских, пришедших его за это арестовать. Они нарушили границы его мира, и он, в лучших американских традициях, с дробовиком наперевес, попытался защитить свою землю и свою иллюзию. Примечательна и сцена ареста старика. Полицейский приказал ему сесть в машину, но старик: «...посмотрел на мужчину, а затем сквозь него: у него были молочно-голубые и безмятежные глаза, он смотрел на летящего голубя, на поля скошенной травы, тянущиеся до зеленой горы и дальше, к тонким синим вершинам, поднимающимся в далекое небо без какой-либо преграды в виде формы или цвета, неудержимым, всегда восходящим.

Ты слышишь?

---

⁷² McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 56.

Старик обернулся.

Ты не возражаешь, если я зайду в магазин сначала, нет?»⁷³

Оунби словно понимает, что это конец, и в неком трансе он окидывает взглядом окружающие его горы, чувствуя, что видит их в последний раз, но в то же время не верит, что та жизнь – иллюзия, которую он себе создал, закончилась.

Он предпочтет провести остаток своих дней отрицая реальность, чем предпримет попытку что-то изменить и двинуться дальше: «...старик ощущал, что круг его жизни замкнулся, последний изгиб кривой вновь вернул его к зачаточному, призматическому потоку звука и цвета, в котором он когда-то уже дрейфовал и сейчас вновь плывет по течению за пределами мира мужчин». ⁷⁴

Анализируя характер Оунби, Лидия Купер в своей книге «Больше никаких героев: нарративная перспектива и мораль у Кормака Маккарти», доказывает, что он – один из двух героев романа, имеющих некие моральные ориентиры.⁷⁵ Несмотря на свою отчуждённость, он добр к двум детям, которые собирали ягоды в его саду и случайно обнаружили труп Кеннета Раттнера. Старик попытался успокоить напуганных детей и удостоверился в том, что они вернулись домой к родителям. Когда Джон Раттнер пытается вернуть награду за убитого ястреба, Артур Оунби мысленно одобряет это решение и говорит, что безнравственно получать выгоду от страданий другого живого существа. Во время беседы с социальным работником, Артур думает, что это его просят о помощи, и его ответ свидетельствует о готовности оказать любую помощь, будь она ему по силам:

«Мы... понимаете, мы помогаем людям.

Ну, у меня ниче нет. Не думаю я, что я могу чем-то помочь тебе».⁷⁶

---

⁷³ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 215.

⁷⁴ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P.234.

⁷⁵ Cooper L. Cormac McCarthy's Heroes: Narrative Perspective and Morality in McCarthy's Novels. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2011. – P. 51.

⁷⁶ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 233.

Артур убежден, что должен помогать ближнему и быть дружелюбным соседом. Однако он способен проявлять эти свои качества лишь на территории своего сада, и потому людям во внешнем мире он кажется странным чудаком.

Довольствуясь лишь тем, что дает ему его сад и охота, рассчитывая только на свои силы и защищая свой участок – свой сад, Оунби как бы воспроизводит жизнь первопоселенцев Старого Юга в мире, где ей уже нет места. Даже его сад, некогда прекрасный, а сейчас забытый и убогий символизирует конец его мира. Его ценности, его идеалы устарели, они не работают в реальности, они не понятны другим и именно поэтому старого Дядюшку Артура считают странным. Он не утратил своей идентичности, однако ощущает исчерпанность своего существования, поэтому противопоставляет себя новому миру, выбрав путь изоляции. В тоже время именно погруженность в прошлое и самоизоляция позволяют ему сохранить человечность и некий моральный кодекс.

Артур Оунби – символ того, что эпоха, по которой тосковала Южная традиция исчерпала себя и закончилась. Маккарти демонстрирует, что Старый Юг не просто пришел в упадок, но умер, причем умер уже давно, оставив после себя лишь заброшенные руины, гнилой яблоневый сад и полубезумного старика.

2.2. Кеннет Ратнер

Марк Твен в «Приключениях Гекльбери Фина» описывал довоенный Юг, как наполненный жестокостью и ложью. П.В. Балдицын в книге «Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы» пишет: «Извращены самые основы этой жизни. Люди хладнокровно убивают друг друга и ездят в церковь послушать проповедь о братской любви. За лживые проповеди "король" получил 87,75 доллара и бутыль виски в три галлона, низкопробное шоу принесло им 465 долларов, но ещё больше может достаться в результате грандиозного жульничества, которое затеял "король", желая прикарманить наследство умершего кожевника. Солгать в этом мире бывает выгоднее и

спокойнее, чем сказать правду. Уже в юные годы твеновский герой узнаёт достаточно, чтобы устыдиться за весь род человеческий».⁷⁷

Маккарти не просто соглашается с Твеном, но усиливает обличительный пафос в разы. Тот кусочек Юга, который изображает Маккарти, населен практически исключительно преступниками, мошенниками и просто людьми с сомнительной моралью. На первых страницах романа он описывает центральное место сбора общины Редбранча, бар «Зеленая муха», как забитый пьяницами, безработными скитальцами, бутлегерами, которые заправляют эти местом, и прочими подозрительными личностями.⁷⁸ Кеннет Раттнер - один из них.

В сцене своего появления в романе, Кеннет грабит магазин на заправочной станции и врет незнакомому мужчине, что у него дочь в госпитале, чтобы тот подбросил его до Атланты. У этого человека нет принципов, нет морали, он лжет, как дышит. Он ворует ради самого акта воровства. Примечательным становится даже то, что он крадет с полок магазина: «Рядом с ним был продуктовый магазинчик, он забрел в него и проскользил сквозь ряды коробок и банок, наполняя карманы небольшими предметами - конфетами, карандашом, рулоном липкой ленты».⁷⁹ Единственный предмет, имеющий хоть какое-то практическое назначение в этом списке - это конфеты, все остальное просто попалось ему под руку. Обветшалое здание «Зеленои мухи» рушится как раз в тот момент, когда Раттнер зашел туда пропустить стаканчик. Он уцелел, и первое, что сделал – ограбил нескольких жертв.

Он не заботится о жене и сыне, его семья живет в полуразрушенной хижине, а он даже не думает о том, чтобы улучшить их условия существования. Наоборот, он врет жене, что получил работу в другом штате, дает ей всего 5 долларов из наворованных денег, покупает сыну газированный напиток и снова исчезает в

---

⁷⁷ Балдицын П. Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы. - М.: Издательство "ВК", 2004. – С. 128.

⁷⁸ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 16-25.

⁷⁹ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 8.

неопределенном направлении. Через какое-то время Раттнер пытается ограбить Мэриона Сайлдера и погибает от его рук.

История Кеннета Раттнера до момента его смерти, занимает совсем немного места в романе. Однако, того, что мы узнаем, оказывается достаточно, чтобы составить представление о том, что он за человек, и какую роль отводит ему Маккарти в повествовании.

Если трагедия Артура Оунби в том, что он застрял в прошлом и не мог перейти в настоящее, то Кеннет Раттнер стал изгнаниником в обоих мирах. Старые ценности для него ничего не значат: ни община, ни семья, ни доверие и уважение к ближнему. Кеннет убивает и грабит водителя, которой согласился его подвезти. Описывая такие поступки своих героев, Маккарти намеренно резок: залитый кровью жертвы Кеннет: «..резко открыл бумажник, разбрасывая карты и фотографии. Он рассмотрел их тщательно, как и внутренности разорванного кошелька, а затем отбросил их и спрятал деньги в карман».⁸⁰

Кеннет Раттнер вырос в испорченном, разлагающемся мире, в котором ценности Старого Юга уже практически не существовали. Его личность, его характер и поведение были сформированный внутри изолированного и жестокого мира Редбранча. Этот мир сделал его таким, превратил в аморального преступника, вора и убийцу. Его жертвами становятся все, кто попадается ему на пути. Он превосходно вписывается в это общество таких же аморальных мерзавцев, отравленных гнилью региона.

Более того, Маккарти не зря часто повторяет, что Раттнер «кое-что понимал в машинах». Разговор с продавцом в магазине демонстрирует не только способность виртуозно врать, но и его реальный интерес к технике:

« Он изобретал новый насос для шин.

---

⁸⁰ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 15.

...такой, его не нужно качать вверх и вниз (накачивает), но у тебя есть своего рода рычаг, с помощью которого ты делаешь это вот так (качет одной рукой).

Это факт, сказал хозяин магазина.

Это точно, сказал он. Делает все намного проще.

Какую машину ты водишь? хотел знать хозяин магазина.

Я? У меня новый Форд. Совершенно новый, тридцать четыре, восьмицилиндровый двигатель».⁸¹

Маккарти делает знание Кеннета механики и автомобилей примером того, как Раттнер вместо того чтобы адаптироваться в Новом мире, использует и извращает эти знания для своих собственных преступных целей. Чернота и разложение этого мертвого мира засели в нем уже слишком глубоко, он воплощение всего худшего и страшного, что укоренилось в этом регионе. Мэрион Сайлдер при встрече с Кеннетом отмечает, что ощущил: «...глубокое и непоколебимое чувство присутствия зла»,⁸² а на одной из первых страниц романа Маккарти описывает идущего по дороге Раттнера, как хлам и мусор, мимо которого проезжают водители.

Как уже говорилось, идентичность формируется на многих уровнях: культурном, социальном, личностном; идентичность определяет поведение человека, его ценности, его социальную роль. Кеннет Раттнер не только не обременен моралью, он просто выпадает из социальной структуры общества. Вся его агрессия, его гнев, который выливается в убийства, исходит из его неспособности понять себя, поскольку он обладатель изуродованной, ущербной идентичности, сформированной мертвым Югом. Он не чувствует своей принадлежности к Старому миру, он немного понимает Новый мир, но не испытывает потребности адаптироваться в нем. Он вне обоих миров и буквально

---

⁸¹ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P.9.

⁸² McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 21.

не может найти свое место. Его физические метания по стране - манифестация его личностной несостоенности. Автор описывает внутреннее состояние Кеннета, говоря: «Если бы у него спросили имя, он, возможно, назвал бы любое, кроме Кеннета Раттнера, которое и было его именем». ⁸³ Эта фраза не только означает его готовность скрываться в "острых" ситуациях, но и желание отречься от себя, от своей ущербно сформированной личности.

Кеннет Раттнер – жертва мира в котором он вырос. Кеннет не понимает ценностей мертвого Старого Юга, он не может быть его частью, но он не хочет приспосабливаться к жизни в Новом мире, поскольку уже слишком отравлен гнилым и пустым миром своего региона. Этот мир навязал ему жестокий и аморальный взгляд на жизнь, и это сделало Кеннета изгоем неспособным найти свое место, этот мир просто не дал ему цели существования.

2.3. Мэрион Сайлдер

Практически одновременно с Кеннетом Раттнером на первых страницах романа появляется Мэрион Сайлдер. Коренной житель Редранча, Мэрион Сайлдер до поры до времени был удовлетворен своей жизнью, занимаясь плотницким делом, которое его кормило. Иными словами, он пытался построить свою жизнь в этом городке вопреки воцарившемуся там упадку. Однако, в конце концов, ему пришлось покинуть деревню и сбежать в «большой мир». Он попытался приспособится к Новой реальности, устроившись рабочим на завод, но оттуда его уволили за драку. Эта драка становится результатом того, что он не может отбросить жестокие нравы, привитые ему в Редранче и адаптироваться к жизни во внешнем мире. Мэрион избивает мужчину, потому что видит драку как единственную возможность разрешения их соперничества: «...он дрался не из-за какой-то особой неприязни к Конацеру или даже из-за большого гнева, а только

---

⁸³ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 16.

для того, чтобы покончить со всем этим. Конацер был единственным человеком таким же большим человеком на заводе и ждал возможности испытать его».⁸⁴ В этой драке проснулась заложенная в нем жизнью в Редранче агрессивность, и он чуть не убил соперника: «Стоя на одном колене, он сдавливал шею Конацера пока не услышал, что тот перестал дышать».⁸⁵ Его попытка встроиться в Новый мир проваливается, поскольку он уже отравлен тлетворным влиянием своей родины, оно настигает его даже вдали от дома. Сайлдер находит свое место только на криминальной обочине Нового мира и спустя пять лет он возвращается домой уже бутлегером.

Сайлдер искренне хочет вернуться домой, но считает, что проще всего это сделать, продемонстрировав новообретенное богатство. В свое первое появление в романе, в баре «Зеленая муха», он буквально покупает себе путь обратно в общину Редранча, в Старый мир. Он входит в бар после пятилетнего отсутствия, приехав на Форде новой модели, и даже его одежда отличает его от типичных посетителей «Зеленои мухи»: «Сайлдер вошел в дверь трактира в сияющих серых габардинах, брюки выглажены, рубашка с тремя сгибами на спине по военной моде, его талия обернута полоской кожи не шире кнута. Он сжимал в зубах тонкую сигару... Затем он поставил на рельс ногу в ботинке из козьей шкуры, достал из кармана горсть серебряных долларов и положил их перед собой».⁸⁶ Бармен Кейб не сразу узнает его и подходит к Сайлдеру, только увидев, что у того есть деньги. И одеждой, и покупкой выпивки для всех посетителей Сайлдер хочет продемонстрировать односельчанам, сколь многоного он достиг в другом мире за пределами Редранча и одновременно восстановить свое место в общине.

Мэрион Сайлдер позиционирует себя как «чужака», представителя Нового Мира, пусть и вернувшегося в изолированный мир Редранча. Своебразной демонстрацией этого становится церемония покупки им новых носков каждую

---

⁸⁴ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 31.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 13-14.

пятницу. Однако это лишь очередная иллюзия, самообман, поскольку Мэрион носитель точно такой же ущербной идентичности, как и Кеннет Раттнер. Именно поэтому в «большом мире» ему находится лишь место бутлегера, именно поэтому в любой момент в нем может вспыхнуть неконтролируемая ярость и жестокость. Однажды он чуть не убил соперника в драке, а обороняясь от нападения Раттнера, он становится убийцей и получает от этого удовольствие: «Сайлдер наблюдал за ним в неком завораживающем трансе, отмечая моргнувший глаз, вываливающийся язык.

Ради Христа, он задыхался. Боже, просто отпусти меня.

Сайлдер нагнулся к лицу мужчины и тихо сказал, Ты лучше позови кого-нибудь поближе». ⁸⁷

Оба эти персонажа лишь свидетельства того, что этот мертвый мир может порождать только преступников, поскольку дает им принципиально неверное представление о хорошем и плохом.

Однако, уже на первых страницах романа Маккарти пытается показать как сходства, так и различия в поведении Кеннета и Мэриона. Эти персонажи ведут себя в параллельных ситуациях совершенно по-разному. Если Раттнер возвращается домой потому, что у него закончились деньги, и пользуется трагедий в трактире чтобы ограбить своих односельчан, то Сайлдер возвращается домой потому, что у него появились деньги, и в «Зеленой мухе» щедро угощает выпивкой всех посетителей трактира. Он возвращается в город победителем, начиненный деньгами, на новой машине. Если Кеннет Раттнер полностью отвергает возможность существования в любом из миров, на каком-то уровне осознавая ущерб, нанесенный его идентичности, то Мэрион пытается найти компромисс, хотя его попытка существования в двух мирах проваливается.

Мэрион Сайлдер еще более потерян, чем Кеннет Раттнер, он еще более запутался в себе. Он понимает образ жизни Нового мира, его порядки, его систему, его ценности. В тюрьме он объясняет новый порядок Джону Уэсли, когда

---

⁸⁷ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 43.

тот решает отомстить за арест Мэриона констеблю Гиффорду: «Ты думаешь, что потому что он арестовал меня, я хочу ему мстить? Я не хочу. Это его работа. Это то, за что ему платят. Арестовывать людей нарушающих закон. А я не просто нарушал закон, я зарабатывал этим на жизнь... Так что мне заплатили. Гиффорду заплатили. Никто никому не должен. Если бы не Гиффорд и его закон, у меня бы не было работы, у меня был бутлегинг и если бы я не занимался бутлегингом, у Гиффорда не было бы его работы. Так что кто должен кому?».⁸⁸ Однако, все его попытки существовать в Новом мире обречены на провал, поскольку он уже отправлен своей жизнью в Редбранче, в этом маленьком, гнилом и изолированном мирке Южного региона. Он является носителем этих мертвых ценностей, и что бы он ни делал, он не сможет избавиться от их тлетворного влияния. Он принадлежит этому мертвому миру и поэтому все его попытки установить дистанцию, покупая носки и одеваясь по последней моде, просто самообман, и Мэрион осознает это по ходу романа.

Убедительным доказательством постепенного осознания невозможности его перехода в Новый мир, является его реакция на восстание дядюшки Артура против Нового Юга, его стрельбу в правительенную цистерну. Случайно став свидетелем стрельбы Артура Оунби в цистерну, он остается в совершенном замешательстве и задается вопросом, зачем старик это сделал: «Сайлдер в шоке следил за происходящим из кустов. Он слышал, как гора пуль ударяется в цистерну, заставляя ее шататься под ударами, словно она живая. Было в этом что-то пугающее и ужасное, ему показалось, что этот гномоподобный старик принес с собой неисчерпаемый запас пуль и прекратит огонь только когда ему станет слишком тяжело держать оружие».⁸⁹ Он вспоминает этот момент, после того как избивает констебля Гиффорда: "...Внезапно у него появилось острое предчувствие катастрофы. Почему этот старик стрелял в государственную цистерну на горе?".⁹⁰ Он не осознает, что таким образом он так же, как и Оунби

---

⁸⁸ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 226.

⁸⁹ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 104.

⁹⁰ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 168.

восстал против Нового мира. Гриффорд представляет собой новый порядок, Новый мир, частью которого Мэрион, как и Оунби, никогда не сможет стать. В конце романа, оказавшись в тюрьме, Сайлдер наконец-то это осознает и принимает тот факт, что он обречен вести жалкое существования в мире мертвого Юга, и отказывается продолжать свой самообман, говоря Джону: «...это неправда, все, что я сказал. Это была проклятая ложь, каждое слово. Он(Гриффорд) сам негодяй и бандит, ты можешь стрелять в него, скечь его в постели, что угодно, потому что он предатель до корней волос, и может быть человек крадет от жадности и гнева, но он продает своих соседей за деньги, это уже далеко за чертой».⁹¹

Мэрион Сайлдер - еще один персонаж с ущербной идентичностью в этом романе, ставший иллюстрацией к жизни в Южном регионе, находящемся в состоянии упадка, неспособном адаптироваться к новому образу жизни и не сохранившему никакого величия Старого Юга.

2.4. Джон Уэсли Ратнер

История Джона Уэсли представляет традиционный для южной традиции литературы троп взросления и становления. Ему четырнадцать, и он достиг того момента, когда ребенок превращается из мальчика в мужчину. Пробуждение сексуальности – знак этого превращения, и Маккарти описывает смятение мальчика, впервые увидевшего в знакомой девочке женщину: «Она была на скале, стоя в воде он мог видеть ее бедра там, где юбка была засунута в белье. Он схватил пиявку, пытаясь одновременно смотреть и не смотреть вверх; чувствуя головокружение, дрожь, он отцепил ее и выбросил на берег»,⁹² Маккарти описывает чувство страха, испытываемого мальчиком. Джон боится своих чувств, они заставляют его бежать от нее: «Он почувствовал на мгновение, что больше не

⁹¹ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 227.

⁹² McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 77.

боится ее, все, что он мог вспомнить - это бег. Так много обнаженной плоти и белье, она держала его за воротники ее ноги были в воде по обеим сторонам от него, пока он не отшатнулся...».⁹³ Его побег, его страх перед этой девушкой, страх взросления – естественны. Но в это же время его мать начинает готовить его к «взрослой жизни» как она ее понимает. Она принуждает Джона дать обещание найти убийцу отца и отомстить:

«Ты найдешь его. Когда ты станешь старше. Ты найдешь человека, который забрал твоего папочку.

Как я могу? Он начал плакать.

Твой пapa знал, как... Поклянись, мальчик.

Его рука начала неметь от боли... он мог чувствовать ее дрожь...

Клянусь, сказал он».⁹⁴

Она навязывает ему идею кровной мести за убийство отца, на незаконные делишки которого она закрывала глаза. Джон не понимает, зачем и как он должен отомстить за своего отца, он даже не помнит этого мужчины, все, что он о нем знает - это рассказы матери и фотография на стене. Он напуган самой мыслью об убийстве кого-либо. Он инстинктивно чувствует, что мать пытается втянуть его во что-то темное, страшное. А мы понимаем, что она пытается сделать из сына «истинного южанина», юношу, живущего идеями кровной мести и защиты рода, хотя в этом мире уже не осталось ни рода, ни чести, ни самого Старого Юга. И хотя Джон дает ей обещание, все в нем сопротивляется попыткам матери приобщить его к мертвому миру старых «ценностей». То, что этот мир мертв и уже не существует, Маккарти подчеркивает, замечая, что Джон с матерью живут в доме, за который не платят налогов, так как: «...их дома и земли не было в

---

⁹³ Ibid.

⁹⁴ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 69.

записях окружного суда, они не владели им. Они не платили никакой ренты, поскольку владельцы официально не существовали, как и сам дом и земля...»⁹⁵.

В истории становления личности Джона большую роль сыграли и двое мужчин – Артур Оунби и Мэрион Сайлдер. В детстве Джон находится под влиянием старика Оунби, мальчик слушает его удивительные и романтические истории о довоенном Старом Юге и, будучи очарованным этими историями, пытается присоединиться к миру Артура Оунби, став траппером. Однако, столкнувшись с реальностью, Джон осознает несостоенность идеи Оунби. Чтобы получить возможность войти в мир Артура, он вынужден действовать так, как диктует ему Новая реальность: поехать в город и подписать долговое обязательство при покупке оборудования для охоты, а через какое-то время получить там деньги за пойманного ястреба от правительства. Джон осознает, что Старого мира больше не существует, в мире не сохранились его идеи, его романтика, его очарование. Идеи и истории дядюшки Артура не применимы к реальности Нового мира, наполненной бюрократией и материализмом. Джон отдаляется от мира Артура Оунби, и это особенно заметно во время их общения. Джон отрешённо слушает рассказы старика и теперь не делится с ним историями о своих попытках охоты с соседскими мальчишками, теперь он лишь дополняет истории других:

«Я думаю, нужно быть в форме, чтобы догнать хорька, сказал дядя Артур.

Вы чувствуете запах? спросил Варн. Я не могу.

Ему пришлось залезть в нору, чтобы поймать его, сказал Джон Уэсли.

Я прополз мимо него, сказал Варн... Я нацелил свою винтовку, как мог и выстрелил, мне чуть барабанные перепонки не разорвало.

Мы слышали его выстрел, сказал Джон Уэсли».⁹⁶

---

⁹⁵ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 68.

⁹⁶ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P.163.

В это время Джон случайно знакомится с Мэрионом Сайлдером, который становится для него новым ориентиром в процессе взросления. Он воспринимает Сайлдера, как представителя Нового мира, мальчик не осознает, что Мэрион принадлежит к извращенной и испорченной версии этой Новой реальности. Джон присоединяется к Мэриону в его повседневных делах и даже помогает мужчине с доставкой виски, все больше погружаясь в мир беззакония и преступности. Однако через какое-то время, Мэрион попадает в тюрьму, и Джон, пытаясь заслужить его одобрение, приходит навестить Сайлдера в тюрьме и обещает, что отомстит за арест мужчины. Но Сайлдер велит Джону забыть о мести и объясняет ему то, как на самом деле работает Новый мир, не отравленный гнилью их мертвый родины. Растерянный Джон в отчаянии пытается восстановить свою связь со Старым миром, но убеждается в невозможности этого, навестив дядюшку Артура в психиатрической лечебнице. Он приносит старику табак и в последний раз слушает его рассказы о Старом мире. В конце своего рассказа, Артур спрашивает Джона: «Что ты думаешь, ты делаешь? - на что Джон отвечает, - Я не знаю, сказал он. Ничего особенного...».⁹⁷ Ответ Джона важен, потому что он демонстрирует его усилившееся замешательство. Он потерял все свои ориентиры и теперь не понимает, как жить дальше, как строить свою жизнь, свое будущее. Сайлдер в тюрьме, дядюшка Артур в сумасшедшем доме: «Никого больше не осталось вокруг...».⁹⁸ Второй ключевой диалог происходит в самом конце их встречи. Артур просит Джона позаботиться о его собаке, и тот соглашается, обещая:

«Я еще приду.

Нет, сказал старики.

Да. Я приду.

Что ж.

---

⁹⁷ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 228.

⁹⁸ McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – P. 227.

Он снова остановился у двери и поднял руку, старик помахал ему и вновь остался один».⁹⁹

Артур Оунби уже знает, что Джон Уэсли никогда не вернется, он понимает, что для Джона все связи со Старым миром уже разорваны. Однако сам Джон все еще хранит надежду и сразу после посещения Артура отправляется в здание суда, чтобы вернуть деньги и получить обратно мертвого ястреба. Конечно, он не может этого сделать. Более того, он узнает, что принесенных ястребов просто сжигают, и в этот момент понимает, что он не только не может вернуться в Старый мир, но и не сможет вписаться в порядок Нового Юга: «Бросать людей в тюрьму и избивать их... И стариков в сумасшедший дом...».¹⁰⁰ Он понимает, что в этом мире, в этом обществе ему нет места, и он покидает Редбранч в поисках новой жизни.

«Хранитель сада» стал первым вызовом Кормака Маккарти традиционным представлениям о Южном регионе. В отличие от остальных южных авторов, он отказывается от веры в великий «южный миф». Маккарти рисует страшную картину мира, наполненного беззаконием и жестокостью. Юг, который изображает этот писатель, давно мертв вместе со всеми прославленными южными ценностями и культурой. Его персонажи не тоскуют по былому, но пытаются выжить в агрессивной среде, которая формирует их личности, их поведение. Они жители мертвого региона и, как следствие - носители ущербной, изуродованной региональной идентичности, которая обуславливает все их поступки.

В отличие от остальных персонажей этого романа, Джон еще не был отправлен мертвым миром Юга и поэтому у него есть возможность обрести нормальную жизнь. Мальчик осознает, что этот мертвый мир не может ничего ему дать, он способен порождать лишь таких же мертвых и разрушенных изнутри людей, как Мэрион Сайлдер и Артур Оунби. Он понимает, что единственная возможность найти свое место и построить свою жизнь можно лишь покинув Юг, и отправляется на Запад.

---

⁹⁹ McCarthy C. *The Orchard Keeper*. – London.: Picador, 2010. – P. 231.

¹⁰⁰ McCarthy C. *The Orchard Keeper*. – London.: Picador, 2010. – P. 247.

Герои «Хранителя сада» потеряны, они осознают смерть Старого Юга, но они не знают, что делать дальше, они медленно скатываются на самое дно человеческой безнравственности и жестокости, стараясь выжить всеми силами. Лишь Джону дана возможность найти свое место в новом мире. И по мнению Маккарти, единственная возможность выжить для молодого поколения южан, таких как Джон - это отправиться на Запад. Этот роман предвосхищает более мрачные темы следующих произведений Маккарти.

Глава 3. Внешняя Тьма: Юг как место обитания зла

Изданный в 1968 году второй роман Кормака Маккарти "Внешняя тьма" по праву считается самым сложным из его «Южных текстов». С одной стороны, это притча, которая обращается к таким темам, как зло в мире, затрагивает вопросы о природе греха, о месте человека во Вселенной. С другой стороны, этот текст представляет собой насмешку Маккарти над присвоенным ему критиками званием наследника Фолкнера. В этом романе писатель пытается осветить универсальную тему зла в мире и внутри человека на примере Южного региона. Он выводит на свет самые темные стороны жизни Восточного Теннесси и затрагивает такие жестокие табу, как детоубийство, кровосмешение и каннибализм. По мнению многих критиков, на фоне персонажей этого романа фолкнеровские Сноупсы кажутся цивилизованными людьми, Дж. А. Брайант в журнале «Южная Литература XX века» пишет: «Многие южные комментаторы выражали шок и негодование, а некоторым пришлось покопаться в своем лексиконе в поисках таких терминов, как неприличное, натуралистическое, антипасторальное, гностическое и нигилистическое».¹⁰¹

Как и в первом романе, он «не тратит ни единого слова на мысли своих персонажей. С полной объективностью он описывает, что они делают, и записывает их речь»¹⁰². Но отличительной чертой, а также причиной сложности романа является нехарактерный для Маккарти аллегорический стиль.¹⁰³ Как подчеркивают критики, роман представляет собой сложное сплетение реальности

---

¹⁰¹ Arnold E. Perspectives on Cormac McCarthy. –Jackson: University Press of Mississippi, 1999. – P. 96.

¹⁰² Ibid. P. 98.

¹⁰³ Ibid. P. 99.

и мифологии.¹⁰⁴ Маккарти даже отступает от своей привычки четко задавать исторический и географический контекст произведения. Он оставляет несколько смутных подсказок (диалект, география и описания изоляции и нищеты, характерной для Восточного Теннеси), позволяющих заключить, что действие происходит где-то на Юге Аппалачей, однако, временной план романа так и остается неопределенным. Эта намеренная неясность в определении места и времени помогает воспринимать произведение как некую вневременную притчу, наполненную мифологическими и библейскими отсылками.

В названии романа Маккарти использует библейский образ «тьмы внешней», появляющийся в Евангелии от Матфея (8:10–12), когда Христос говорит с сотником, который пришел просить его об исцелении своего слуги. Сотник смиленно просит Иисуса о помощи, и тот, пораженный его верой, наставляет своих последователей: «Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и взглянут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царство Небесное; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов».¹⁰⁵ В данном отрывке «внешняя тьма» является атрибутом Ада, английский философ Томас Гоббс связывает это понятие с «тьмой египетской» и понимает его как пространство «вне обиталища избранных Бога».¹⁰⁶ В контексте романа образ «тьмы внешней» одновременно используется как для описания внутреннего состояния безысходности и душевного мрака главных персонажей, так и для описания лишенного благодати, нравственно развращенного мира, в котором эти персонажи обитают. Уже самим названием, Маккарти репрезентирует Южный регион как место обитания вселенского зла, мир без добра и света. И поэтому он исследует универсальную тему зла в человеке, отчетливо укореняя философскую тематику романа в южную

---

¹⁰⁴ Ibid. P. 101.

¹⁰⁵ Евангелии от Матфея (8:10–12)

¹⁰⁶ Переяшкин В. Творчество американских писателей второй половины XX века в контексте южной литературной традиции: автореф. дис. ... канд./д-ра фил. наук.: МГУ, 2010. – С. 26.

реальность, описывая нравы и социальную структуру южного региона, демонстрируя, как присутствие зла в регионе влияет на жизнь и поведение его жителей.

В центре романа оказывается история брата и сестры Кулы и Ринти Холм. Они состоят в кровосмесительной связи, в результате которой у них рождается сын. После сложных родов Кула, сказав сестре, что младенец родился мертвым, уносит его в лес, где и оставляет умирать. Ребенка находит коробейник - бродячий торговец мелких товаров, он забирает ребенка с собой и отдает кормилице. Зная о лживой натуре своего брата, Ринти требует показать ей место, где похоронен младенец. Обнаружив его обман, она отправляется на поиски своего ребенка, и Кула вскоре следует за ней. Большая часть романа представляет собой описание странствий брата и сестры, которые так больше и не встречаются. В повествование вплетается и третья линия - о трех безымянных бродягах, которые представлены читателю на первых страницах как "бородатый и два других"¹⁰⁷. Повествование о трех бродягах выделено курсивом, эти трое терроризируют сельскую местность, по которой путешествуют брат и сестра. Небольшие, жестокие эпизоды с участием этих трех персонажей поначалу кажутся второстепенными по отношению к основному повествованию, а их расположение в романе выглядит хаотичным. Однако вскоре становится очевидно, что эти трое следуют вслед за Кулой, убивая людей, которых он встретил на своем пути.

Маккарти вновь отступает от традиции южной прозы, в которой, оседлость и привязанность к своим корням является одной из главных составляющих психологии южных героев¹⁰⁸. Он превращает «Внешнюю тьму» в «роман дороги», «все события происходят на пыльных дорогах Теннесси, дома и лачуги, встречающиеся на пути главных героев, как правило, заброшены и дышат

---

¹⁰⁷ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 6.

¹⁰⁸ Переяшкин В. Творчество американских писателей второй половины XX века в контексте южной литературной традиции: автореф. дис. ... канд./д-ра фил. наук.: МГУ, 2010. – С. 34.

смертью. Главные герои абсолютные изгои, их путь лежит «из ниоткуда в никуда». В них нет родовой привязанности или принадлежности к месту»¹⁰⁹.

Роман открывается описанием кошмара, который снится Куле. Он будто бы находится среди больных и калек и просит исцеления у пророка «нищего народа»: "На площади стоял пророк, который с призывом расправил руки на встречу собравшемуся нищему народу. Делегация человеческих руин, которая следила за ним слепыми глазами, вспученные и сморщеные струпья и прокаженные язвы"¹¹⁰. Пророк удивлен присутствием Кулы, ведь его немощь не видна: "Пророк посмотрел вниз, как будто удивленный видеть его там среди этих изгоев"¹¹¹. Действительно, Куле необходимо исцеление души. Однако, несмотря на то, что пророк отвечает Куле согласием на его просьбу, само солнце падает с неба, поскольку не может исцелить моральную немощь Кулы: "Да, возможно, ты можешь быть исцелен. После этого солнце потухло, и темнота прогремела, как крик. Они ждали. Ничего не изменилось. Они долго ждали, стало холодно. Над ними висели звезды другого времени. Стало холодно, черно и безмолвно, некоторые начали кричать, а некоторые отчаялись, но солнце не возвращалось. Он начал бояться. Зазвучали слова против него. Он был пойман в толпе, и вонь от их лохмотьев заполнила его ноздри".¹¹²

Вскоре мы узнаем, что причиной этого кошмара является не оставляющее Кулу чувство вины, поскольку он нарушил одно из основополагающих социальных табу и вступил в кровосмесительную связь со своей сестрой. Маккарти создает крайнюю ситуацию, в попытке изобразить ужасную жизнь в отправленном злом Южном сообществе, в котором люди способны на настолько противоестественные поступки.

Изначально Кула и Ринти представлены нам как самые настоящие изгои. Они живут в полной изоляции от любой общинны, вдали от людей, даже от

---

¹⁰⁹ Там же

¹¹⁰ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 1.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Ibid.

собственной семьи. Эти двое ведут ужасное существование, они живут в крохотной хижине посреди леса, имея в своем владении лишь самые необходимые вещи. Брат и сестра - жертвы этого «старого Юга», в котором уже нет «южной общины», которая должна была бы о них позаботиться. Ринти даже спрашивает Кулу: "Кому тут можно рассказать?"¹¹³- когда он отвечает отказом на ее просьбу привести повитуху, мотивируя это тем, что люди болтают. В округе нет никого, кто знал или волновался бы о них, об их противоестественных отношениях и ребенке. На смену традиционной южной общине и близким связям внутри нее приходит растущее чувство изоляции и тьмы. В мире этой тьмы в людях просыпаются самые темные и злые качества, которые толкают их на совершение ужасных, противоестественных поступков. Именно окружающая среда, в которой вырос Кула толкает его сначала нарушить табу кровосмесления, а потом и детоубийства, ведь нет никого, кто бы объяснил ему, что такое хорошо и что плохо, осудил его поведение.

После того, как Кула оставляет своего сына умирать в лесу, он пытается вернуться домой, но в итоге теряет дорогу: " Настала ночь и в лесу похолодало, вокруг него опустилась тишина. Как будто что-то держало сверчков иочных птиц в страхе. Он пошел быстрее. Он был сбит столку в полной темноте, почти бежал, барахтался в трясине. Он уже должен был достичь реки, но все бродил в темноте, вытянув пред собой руки"¹¹⁴. Кула блуждает во тьме, но это не только буквальная темнота леса, это также темнота его души, то зло, что ее окутывает. Угрожающие и неприветливые описания преимущественно передают хаос в душе Куллы, сама природа в ужасе от его поступка: « деревья нависли над ним, как зловещие и мрачные фигуры, вырастающие из земли, словно человекоподобные существа, спровоцированные чуждой неполнотой его плоти».¹¹⁵ Маккарти прямо пишет, что Кула «встретил в лесу какое-то темное другое «я», с которым он

---

¹¹³ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 4.

¹¹⁴ Ibid. P. 14.

¹¹⁵ Ibid. P. 17.

слился, бесследно исчезнув с лица Земли ».¹¹⁶ По сути, все последующее путешествие Кулы – это побег от себя самого, от чувства вины и греха, который он совершил. Хотя он постоянно убеждает себя, что ищет сестру, покинувшую их хижину. В противоположность Куле, Ринти отправляется именно на поиски своего ребенка.

По мере того как разворачивается путешествие брата и сестры по лесам и городам Южного региона, они встречают множество персонажей, которые являются такими же носителями региональной идентичности и олицетворяют разные аспекты жизни региона, от социального снобизма до разнообразных видов насилия и каннибализма.

Большинство персонажей, с которыми сталкивается Ринти – женщины. Маккарти постоянно подчеркивает их физическое уродство. Так одна описана, как «древняя карга без носа»¹¹⁷, а другая, как «сгорбившееся человекоподобное существо в капюшоне»¹¹⁸. Женские персонажи в романе не просто изуродованы, они жертвы насилия со стороны мужчин. На своем пути Ринти встречает женщин, которые пострадали от физического и психологического насилия, и просто ведут несчастное существование.

Во время своих блужданий в лесу Ринти наткнулась на ферму посреди леса. Она попыталась своровать турнепс, но ее поймал хозяин фермы и предложил остаться на ужин. Она стала невольным наблюдателем взаимоотношений хозяина этой фермы и его жены. Все пятеро детей этой женщины умерли, и муж обвиняет ее в их смерти. В присутствии Ритни, он называл ее «взлохмаченной старой летучей мышью», и их словесная перепалка превращается в ожесточенную драку. Ринти становится свидетелем насилия, которое пугает ее настолько, что она спасается бегством, несмотря на свой голод: «Она пробралась вдоль стены к двери, прикоснувшись к ручке, осторожно повернула ее и тихо открыла. Она

---

¹¹⁶ Ibid. P. 20.

¹¹⁷ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 40.

¹¹⁸ Ibid.

увидела, как мужчина улыбнулся. Последнее, что она увидела перед тем, как бежать, была летящая в стену доска с маслом»¹¹⁹.

Самой первой встречей Ринти с другими людьми становится знакомство с большой южной семьей, которая добродушно предлагает ей ночлег, еду и даже транспорт для поездки в город. Однако в доме этой с виду благополучной семьи, Ринти становится жертвой сексуального насилия со стороны отца и сына: «...они вошли, тихо, как воры, резко перешептывались друг с другом. Она смотрела на них сощуренными глазами, мужчина, почти невидимый, стоящий на расстоянии вытянутой руки от нее... когда он сбросил комбинезон, то, как она побледнела, было заметно даже в темноте. Оставшись в нижнем белье, он неуклюже улегся рядом с ней... Когда все были готовы ко сну, они лежали в душной тишине и слушали дыхание друг друга. Она осторожно повернулась на дребезжащей постели. Она слышала птиц и сверчков. Хоть что-то она знала во всей этой темноте»¹²⁰. Маккарти говорит не просто о распаде семьи, а о проблемах всего южного сообщества. Все проблемы теперь решаются насилием, не только в кругу семьи, но и в обществе в целом. Насилие над женщиной воспринимается, как нормальное поведение в обществе, которое когда-то чтило культ «прекрасной дамы». Он обличает институт семьи на Юге и упадок нравов, но также критикует миф о южной общине и ее основных столпах: щедрость, дух сотрудничества и добрососедства. В мире автора южная община мертва так же давно, как и Юг, который он описывает. Ведь несмотря на то, что в течение своего путешествия Ринти постоянно предлагаю помочь, на самом деле она ее почти никогда не получает. В первом доме она становится жертвой насилия, с фермы ей приходится спасаться бегством. Маккарти рисует картину Юга, в котором само понятие общины уже утрачено, отсутствует дух взаимопомощи и желание взять ответственность за члена своей общины. На смену общине и семье, приходит изоляция и извращенные, испорченные ценности, взращённые в обстановке мертвого Юга.

---

¹¹⁹ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 56.

¹²⁰ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 48.

Стоит отметить, что изоляция Ринти очевидна с самого начала. Она не покидает хижины, в которой живут они с братом, она не в состоянии дойти даже до магазина, в него всегда ходит Кула. Однако, как мы видим, большинство жителей Юга, которых встречают Ритни и Кула, живут в такой же изоляции. Во время путешествия, брат и сестра в основном встречают отдельных людей или семьи, живущие посреди леса и редко покидающие свой дом. Большинство из них настолько вырваны из мира, что не придают значения времени, не в состоянии назвать даже день недели. Ринти в разговоре с врачом она заявляет, что ребенок родился то ли в Марте, то ли в Апреле. Все это еще раз подтверждает глубокую изоляцию региона и его жителей, «старый Юг» Маккарти буквально застыл в неком безвременье, откуда никто не может вырваться в реальный мир.

Кулла, как и Ритни путешествует из одной изоляции в своей хижине к другим изоляциям среди жителей региона. Люди, с которыми он останавливается поговорить, всегда находятся в одиночестве где-то в лесу, когда же он посещает город, с ним всегда что-то случается, и ему приходится быстро его покинуть.

В резком контрасте с лесом, город во «Внешней тьме», это пространство, где правит современность. В городе Куллу оценивают по содержанию его бумажника, который пуст. Он вызывает у городских жителей чувство полного презрения, и протяжении всего романа они не перестают проявлять к нему самоуверенное и снисходительное отношение. Они утверждают, что сочувствуют его бедственному положению, но продолжают высмеивать его за то, что он не вписывается в их общество, и проповедуют ему праведность пуританской добродетели тяжёлого труда, которые Кулла вынужден смиленно выслушивать по причине своей бедности. Маккарти не только демонстрирует утрату человеческих связей и южной общине, отсутствие духа взаимопомощи, но также показывает, как «старый Юг» под влиянием того же самого зла в регионе породил глубокое социальное неравенство, отступив от традиционных аграрных ценностей и вступив в новую эру экономического развития. Маккарти пытается показать, что не важно кто, фермер или горожанин, все жители региона сформированы атмосферой мертвого мира, в среде, где абсолютное зло коснулось каждого уголка

человеческой души, каждой сферы их жизни. Поэтому даже новый современный образ жизни и новые ценности, которые Южане пытаются перенять, оказываются отравлены этим невидимым злом.

Ярким примером становится один из первых людей, встреченных Кулой - сквайр. Он пытается просветить Кулу о «благе труда», убедить что «бездействие это грех».¹²¹ Сквайр является голосом Нового порядка, социальной и материалистической культуры. Символично, что сквайр – это термин на Юге Аппалачей, которым называли землевладельца, которые владел еще и рабами.¹²² В романе у сквайра даже есть немой черный слуга. Таким образом, он является символом старого Юга, пытающегося успешно перейти в новую эру, но, сквайр смотрит на Кулу не как на человека, но как на товар, который он старается всеми силами купить по дешевке. Он заставляет Кулу работать целый день без еды и воды, предоставив ему лишь скромный ужин просто потому, что Кула не уточнил, за какое количество еды он будет работать. Весь этот эпизод и последующая смерть сквайра от рук таинственной троицы, олицетворяющей мир «старого Юга», призван продемонстрировать невозможность существования Нового порядка на Юге, поскольку даже он будет испорчен и уничтожен жестокими и испорченными ценностями жителей этого сообщества.

Кулу абсолютно беспочвенно обвиняют в убийстве сквайра и еще нескольких людей, городская толпа преследует его с намерением повесить. Маккарти показывает южное сообщество, которое осуждает ради самого факта осуждения. Южное сообщество готово обвинить кого угодно в этих преступлениях и Кула, будучи нищим незнакомцем, становится удобной мишенью. Южное общество сплачивается вокруг насилия и самосуда, они даже оставляют трупы на деревне, так как «Это хорошая реклама общественного порядка. Неправда ли?». ¹²³ Позже Кула натыкается на группу погонщиков

---

¹²¹ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 66.

¹²² Переяшкин В. Творчество американских писателей второй половины XX века в контексте южной литературной традиции: автореф. дис. ... канд./д-ра фил. наук.: МГУ, 2010. – С. 59.

¹²³ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 146.

свиней, они обвиняют его в случайной смерти одного из своих товарищей и решают повесить его на месте, поскольку один из погонщиков никогда раньше не видел повешеные. Под стать им оказывается и наткнувшийся на них проповедник, который сначала молит их не совершать грех и не вешать Куллу, а позже сам присоединяется к процессии по поиску веревки и подходящего дерева. Мы опять наблюдаем отсутствие каких-либо моральных ориентиров у представителей южного сообщества, которое скоро на расправу, не придает значения справедливости и человеческой жизни, а казнь человека считают развлечением. Даже проповедник, является носителем этой испорченной, жестокой идентичности. Исследуя тему зла, Маккарти, эпизод за эпизодом, создает некое нагромождение ужасов, призванное продемонстрировать, как присутствие зла в регионе влияет на поведение и поступки его жителей. Кульминацией этого нагромождения становится встреча Куллы с преследующим его трио.

Внешность бородатого главаря описана в демонических тонах: «В свете огня его борода сияла, а рот его был красным, его глаза были словно темные бездны, в которых ничего не было»,¹²⁴ а в коротком вводном отрывке романа, автор использует такие слова как «фигуры», «тень». Последнее лишь в первом предложении употребляется три раза. Это трио физическое воплощение зла, которое присутствует на Юге, они также являются проекцией всех подавленных темных качеств Куллы. Эти фигуры «внешняя темнота» Куллы, проявление и проекция его внутренней темноты. По сути, путешествие Куллы это противостояние темным сторонам его души, воплощенным в образе зловещего трио. Они следуют за Куллой и оставляют за собой след трупов, которые мы видим гниющими и висящими на деревьях. Они всегда на шаг позади или впереди него, несмотря на его бесцельное и абсолютно случайное блуждание по региону. Они «внешняя тьма» Куллы, блуждающая по «внешней тьме» Юга.

Незадолго до инцидента с погонщиками Кула натыкается на лагерь троицы посреди леса и получает предложение присоединиться к их огню. Они ведут себя

---

¹²⁴ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 171.

так, как будто хорошо его знают, а двое из них смотрят на него с «хищным любопытством»¹²⁵ и принуждают его съесть «почерневшее мясо, жесткое, покрытое пеплом и на вкус, как сера».¹²⁶ Оголодавший Кулла понимает, что ест человеческое мясо, но не в состоянии остановиться из-за страха за свою жизнь. Вторая встреча Куллы, с мистическим трио происходит незадолго до конца романа. Эти монстры каким-то образом нашли коробейника с сыном Куллы. Он случайно наталкивается на них в лесу: мертвый коробейник повешен, а ребенок обезображен, но жив. Это наиболее гротескная и ужасающая сцена во всем романе, но парадоксальным образом, это и «момент истины» для Куллы. Главарь троицы излагает грехи Куллы и осуждает его за них:

«Полагаю, ты заполучил эту штуку из ее живота, а сам потом сбросил его на коробейника.

Я ничего не давал никакому коробейнику.

Думаю, ты решил, что он спрячет его для тебя.

Я ничего не решал.

...Ты никогда не рассказывал, что ты сделал со своей сестрой.

Я никогда и ничего с ней не делал.

Я буду судьей этого».¹²⁷

Кула имеет возможность исповедаться, признать свои грехи и встать на путь их искупления, оказав сопротивление злу, как в свой душе, так и в реальности. Однако он отказывается принимать на себя ответственность за кровосмесительную связь и своего ребенка, и когда бородач спрашивает его: «Как его имя?», - на что Кулла отвечает: «Я не знаю».¹²⁸ Этим Кула определяет свое

---

¹²⁵ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 170.

¹²⁶ Ibid. P. 172.

¹²⁷ Ibid. P. 233-234.

¹²⁸ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 235-236.

будущее, но и судьбу ребенка: "Мужчина схватил ребенка и поднял его. Он смотрел на огонь. Холм видел, как лезвие подмигивает в свете, как кошачий глаз, косоглазый и злобный, и на горле ребенка вспыхнула тёмная улыбка и черная жидкость полилась из нее. Ребенок не издал ни звука. Он висел, с одним глазом, остекленным, как мокрый камень, и черная кровь, вытекала на его обнаженный живот".¹²⁹ Жуткий финал позволяет на мгновение забыть, что Кулла оставил этого ребенка умирать еще гораздо раньше; лидер таинственного трио теней, на самом деле заканчивает то, что Кулла трусливо начал, когда бросил ребенка в лесу. Это он, отрекшись от сына, обеспечил тому страшный финал в руках демонической троицы. В этот миг Кула находит ответ на свой вопрос о спасении, которым задавался в своем сне, он «слишком испорчен, чтобы быть спасенным».¹³⁰

Со смертью ребенка возможность искупления вины и преодоления зла теряет и Ринти. Она находит лишь обугленные кости младенца и так и не узнает, что это все, что осталось от ее сына.

Маккарти довольно четко обозначает проблему идентичности в этом романе, описывая разрушенные судьбы людей, которые оказались в мире, который извращает и ломает их. Он напрямую затрагивает этот вопрос в беседе Кулы с бородатым лидером мистической троицы. Бородач говорит о роли имен в процессе познания людей и вещей: «Я бы не дал ему имени, потому что, ты не можешь владеть тем, у чего нет имени. Вы даже не можете говорить об этом. Вы не можете сказать, что это такое». ¹³¹ Процесс наименования - это еще одно средство, с помощью которого мы определяем себя.¹³² Давая названия предметам, мы описываем и делаем своим окружающий мир. Давая имена людям, мы определяем, кто они и откуда, т.е. присоединяя к какой-то группе, и выделяем индивида из этой группы, делаем его индивидуальностью. Символична поэтому

---

¹²⁹ Ibid. P. 236.

¹³⁰ Ibid. P. 233.

¹³¹ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 177.

¹³² Gleason P. Identifying Identity: A Semantic History. //The Journal of American History. - 1983. - Vol. 69, No. 4. - P. 916.

сцена, где Кулла отказывается дать имя своему ребенку. Еще более значимо то, что Кулла порой даже неспособен произнести свое собственное имя. Это лишь подтверждает несостоятельность его как личности, изуродованной и сломленной, сформированной в мертвом мире: «Он становится человеком, который, по сути, "ничто", поскольку он "никогда ничего не думал, никогда ничего не имел и который всегда был ничем»¹³³. Недаром на вопросы о том, куда он идет, Кула искренне отвечает, что идет в «никуда».

Роман "Внешняя тьма" продолжает жесткую критику Маккарти южного общества и является еще одним высказыванием против «южной литературной традиции». Однако в этом романе, он делает это, обращаясь к универсальной теме зла в мире и в людях. Он изображает «старый Юг» как место обитания абсолютного зла, влияющего не только на людей, но даже на саму природу региона. Бесплодная земля и дикий лес составляют мир природы в романе, мир, который враждебен человеку, угрожает ему: «Бродящие воды с кровью, злобно шипящие кровавыми брызгами».¹³⁴ Маккарти описывает регион, как мертвый сад где-то в аду, ставший приютом для проклятых душ: «голые деревья в агонии и туманные человекоподобные фигуры в пейзаже проклятых. Слегка дымящийся сад мертвых»¹³⁵. Это определенно не один из прекрасных садов мира, который традиционно описывали южные авторы. Жители Юга, живущие в этом мертвом саду, окутаны его злом, его тьмой, которая влияет на их жизнь, ценности, поведение, извращая их личности. Зло в регионе становится неотъемлемой частью региональной идентичности. По сути, все персонажи «Внешней Тьмы» находятся в темноте и изоляции, они все жертвы мира, в котором они родились. Их психологическая и духовная слепота препятствует нормальному существованию, формированию нормальной личности и даже нормальным отношениям. "Солнце не вернулось" в изолированное пространство «старого Юга» в романе, он так и останется "бездной безнадёжной тьмы", Кула и Ринти так

---

¹³³ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 223.

¹³⁴ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 15.

¹³⁵ McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – P. 242.

и останутся брошенными во тьме, необратимо изуродованные своим регионом, изолированные от возможности спасения.

Глава 4. «Дитя Бога»: Южная община глазами изгоя

Третий романа Маккарти «Дитя Бога» был опубликован в 1973 году и по праву считается самым шокирующим и противоречивым в его карьере. В нем автор продолжает исследование таких тем, как природа зла, человеческая греховность, нарушение социальных табу. Действие происходит в той же мрачной обстановке штата Теннесси, неподалёку от Ноксвилла, в округе Севир в 50-х годах 20-го века. Маккарти продолжает писать в разрез с традицией южной прозы и придерживается своей тенденции изображения нищего и жестокого Юга. Мертвый Юг, который описывает писатель, становится местом, где проявляются худшие стороны человеческой природы. В этот раз в центре этого ужасного мира, оказывается не менее ужасный персонаж – убийца и некрофил Лестер Баллард.

В этом романе Маккарти отступает от своей привычки вести повествование исключительно от лица всеведущего нарратора, вместо этого он чередует повествование от 1-го и 3-го лица в первой части произведения. Мы узнаем о Балларде и его жизни через серию биографических эпизодов, представленных неизвестным рассказчиком, который, по-видимому, рассказывает кому-то историю Лестера. Через переплетения повествований читатели узнают о прошлом Балларда. Лестер - еще один брошенный ребенок, покинутый матерью и

оставшийся круглым сиротой в 10 лет из-за самоубийства отца. Веревка, на которой повесился его отец, все еще висит на балке чердака, как постоянное напоминание об ужасном событии, ведь маленький Лестер обнаружил его тело: «Он никогда не был таким как прежде после того как его папаша убил себя»¹³⁶ – рассказывает один из горожан.

Лестер не только перенес глубокую психологическую травму, но также остался совершенно один в очень молодом возрасте. Из историй разных рассказчиков становится понятно, что никто не позаботился о нем и не взял на себя воспитание мальчика, как это должно было случиться в добропорядочной южной общине. Однако в этом мертвом Южном регионе такое понятие как община уже полностью отсутствует, поэтому сирота Лестер вынужден заботиться о себе сам. Детская травма и последующее самостоятельное существование настраивают Лестера против сообщества, это проявляется в его регулярной враждебности к своему окружению. Еще в школе он измывается над своими одноклассниками. Однажды мальчик, который «был немного младше него», отказывался принести Балларду укатившийся мяч и тот ударил его со всей силы в нос.¹³⁷ В другой раз, он запугал своего одноклассника и заставил его поставить себе на голову яблоко, чтобы Лестер мог попрактиковаться в стрельбе.¹³⁸ Баллард нападет на тех, кто слабее его и считает свое поведение абсолютно нормальным, уже в детстве демонстрируя психологический ущерб от жестокого мира, в котором он вырос.

По сути, Лестер становится жертвой южного общества еще в детстве. Он отвергнут им еще в очень юном возрасте, а его достаточно антисоциальное поведение, вызванное детской травмой, приводит к тому, что он становится неким отщепенцем в своем окружении.

---

¹³⁶ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 19.

¹³⁷ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 18.

¹³⁸ Ibid.

В самом начале романа мы наблюдаем аукцион, на котором продается семейная ферма Баллардов, поскольку Лестер не сумел заплатить налог на дом. Потеря своего дома и полное изгнание из общества становятся неким спусковым крючком для последующей трансформации Лестера из простого изгоя в убийцу и некрофила.

На его землю вторгаются с шумом и гамом: «Они пришли, словно караван карнавальной толпы, сквозь поля и холмы, озаренные утренним солнцем. Грузовик качался, а музыканты на стульях в грузовике балансировали и настраивали свои инструменты, толстяк с гитарой ухмылялся...».¹³⁹ Лестер в это время стоит на крыльце своего дома: «Наблюдая за их появлением в лучах безмолвного пастырского утра, в дверях сарай появляется человек. Он маленький, грязный, небритый. Сгорбившись, он движется среди пыли и солнечных лучей».¹⁴⁰ Эта сцена сразу же устанавливает контраст между изгоям Лестером, у которого собираются отнять дом и «обществом», радостно пришедшим вышвырнуть его на улицу. Это общество, которое не заботится о членах своей общины и радуется беде другого. Лестер пытается защитить свою землю, угрожая толпе ружьем и требуя: «Я хочу, чтобы вы убрали свои чертовы задницы с моей собственности».¹⁴¹ Однако ему напоминают, что округ отирает его землю из-за его неспособности платить налоги, что говорит об ужесточении бюрократического контроля на Юге, ведь мы знаем, что Джон Уэсли и его мать могли спокойно жить в своем доме и не платить налогов. В результате попытки защитить свою землю, Лестер получает удар топором по голове, а аукцион продолжается как ни в чем небывало: «После этого Лестер Баллард никогда не мог держать голову прямо... Он лежал на земле и смотрел вверх, руки скрещены на груди, ужасная рана на голове. Он просто лежал и кровь текла у него из ушей. Бастер все еще стоял над ним, держась за топор...».¹⁴² Эта сцена демонстрирует,

---

¹³⁹ Ibid. P.4.

¹⁴⁰ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 4.

¹⁴¹ Ibid. P. 8.

¹⁴² Ibid. P. 10.

что южное сообщество, несмотря на все попытки вступить в новую эру, неспособно адекватно адаптироваться к жизни и ценностям этого Нового Юга. Все новое подвергается необратимому влиянию мертвой атмосферы региона и людей, родившихся и выросших в нем. Отобранные у человека земля и дом, который «южный миф» представлял, как извечную основную ценность, становятся не более чем выгодным объектом инвестиций. И даже такая законная и упорядоченная процедура, как аукцион не может обойтись без насилия. Присутствие представителей власти при этом лишь подтверждает тот факт, что акты насилия все еще являются приемлемыми на Юге и негласно санкционированы и одобрены обществом. Рана Лестера оказывается серьезной и оставляет его с травмой на всю жизнь, что становится отправной точкой для последующей социальной и ментальной деградации Балларда.

Потеря Лестером дома является не просто началом его изгнания из общества. Дом, как физическое строение, является важным элементом в идентичности любого человека. Дженифер Шайман в своей работе «Строя Американские дома, конструируя Американскую идентичность: представление идентичности, домашнее пространство и современная американская литература» пишет: «Дом – это непросто структура. Это физическое проявление нашего самосознания, нашей идентичности. Мы вписываем свою личность в наши дома для себя и для наших посетителей. Дом сигнализирует наш класс, наследие, верования и желания».¹⁴³ Наличие собственности обеспечивает как психологическую стабильность, так и социальное принятие, и теперь Лестер лишен и того, и другого. В рамках физических границ идентичности дом и есть идентичность Балларда, его место в мире, его символ принадлежности к обществу. Потеря дома становится началом процесса отчуждения и медленной индивидуальной деградации. Каждое последующее действие Лестера Балларда, включая некрофилию, становится следствием потери своего дома и попыткой этот дом заново обрести.

---

¹⁴³ Shaiman, J. Building American homes, constructing American identities: Performance of identity, domestic space, and modern American literature. - University of Oregon, 2004. – P. 12.

После потери дома Лестер переезжает в заброшенную хижину посреди леса. Он методично вычищает хижину от осиного улья, пауков, он пытается сделать это место своим домом во всех смыслах этого слова. Он приносит в хижину матрас, готовит себе ужин, после этого курит и читает газеты. Мы как будто видим человека, который действительно занимается своими домашними делами, но автор замечает, что во время всех этих действий Лестер выглядит наполовину сумасшедшим.¹⁴⁴ Словно в насмешку над его жалкими попытками превратить это место в свой дом, в хижину врываются стая диких собак, преследующих лису. Они разбивают окно, оставляют дыру в двери, буквально уничтожая надежду на то, что эта разрушенная хижина может выглядеть как настоящий дом. Более того, эта атака и Лестера на мгновение превращает в животное. Защищая свою «берлогу», он набрасывается на одну из собак: «Он бросился на нее и схватил за заднюю лапу. Собака жалобно взвыла. Баллард слепо бил ее кулаками, удары, звучавшие как стук по барабану, эхом отдавались от пустых стен среди отчаянных проклятий и воя».¹⁴⁵

После переезда Лестера в хижину, он постепенно отдаляется от человеческого сообщества. Он пытается бороться со своей изоляцией и отчаянно ищет какую-либо форму контакта с внешним миром. Он пытается посещать церковь, но это вызывает недовольство у других жителей общины, которые уже не считают его «своим». Даже священник, который должен быть носителем добродетельных религиозных ценностей, неодобрительно относится к приходу Балларда: «Конгрегация шестимильной церкви оборачивались, как марионетки, если дверь церкви открывалась после начала службы. Когда Баллард вошел со шляпой в руке, закрыл дверь и в одиночестве сел в заднем ряду, они медленно повернулись. Среди них пронесся шепот. Проповедник остановился. Чтобы оправдать молчание, он налил себе стакан воды из кувшина...».¹⁴⁶

---

¹⁴⁴ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 15.

¹⁴⁵ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 21.

¹⁴⁶ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 25.

Поскольку сообщество отказывается принимать Лестера, он начинает наблюдать за жизнью других, как вуайерист. Он следит за своим старым домом и его новыми жильцами, а один раз натыкается на машину, в которой парочка занимается сексом. Случайной жертвой вуайеристических наклонностей Лестера становится женщина, которую он находит в лесу. Она лежит на земле без сознания, практически обнаженная. Лестер, без злого умысла, пытается проверить жива ли она и в момент ее пробуждения, в попытке помочь, спрашивает, не холодно ли ей. Только после того, как женщина в истерике ударяет его камнем, он срывает с нее оставшуюся одежду и уходит. Позже Лестера арестовывают за ее изнасилование и привозят в офис шерифа. Женщину изнасиловали двое других мужчин, однако она из чувства мести решает обвинить в этом Лестера и сделать его «козлом отпущения». Лестер буквально плачет от отчаяния, ведь он в очередной раз становится жертвой общества, которое не придает значения справедливости и честности. Баллард обвиняется в вещах, которые он еще не совершил, но общество, скорее на самосуд, его уже за них осудило. И хотя шериф вынужден отпустить Лестера по причине отсутствия доказательств, он не верит в невиновность Балларда. Символично, что фамилия шерифа Фэйт, что переводится, как судьба; поскольку его следующие слова определяют будущую судьбу Лестера: «Он стоял на улице, засунув руки в задние карманы, когда подошел шериф».

Ну и какие у тебя планы? - спросил шериф.

Пойду домой, ответил Баллард.

И что потом? Какую низость ты уже задумал следующей?

Я ничего не задумал.

Думаю, убийство, следующее в списке? Или что еще ты сделал, о чем мы не знаем.

Я ничего не сделал, сказал Баллард. Я просто вам не нравлюсь.

Лучше тащи свою задницу домой. Эти люди, здесь в городе, не будут мириться с твоим дерьмом». ¹⁴⁷

Неважно, есть ли у шерифа плохое предчувствие насчет Балларда, важно то, что он заранее обвиняет его в преступлениях, которых тот не совершал просто потому, что Лестер является изгояем этого общества, подходящим «козлом отпущения», точно так же, как и Кулла во «Внешней тьме».

Единственный человек, который соглашается общаться с изгояем Лестером, это хозяин свалки. Мусор является некой декорацией, ведь мусорщик и его семья становятся иллюстрацией «белой швали». Этот термин вошел в обиход в начале 30-х годов 19-го века в кругу богатых южан, которые называли так бедных белых.¹⁴⁸ Однако термин трансформировался и стал обозначать не только имущественное положение, но необразованность, ставшую результатом жизни в глупи и оторванности от современного мира, а также аморальное поведение, характерное для жителей бедных регионов Юга. Маккарти высмеивает южный миф и южную литературную традицию, заменяя привычных леди и джентльменов на настоящих обитателей Южного региона, на «белую шваль», которая символично живет посреди свалки.

У хозяина свалки 9 дочерей, возраст большинства которых он даже не знает. Он дал им имена, ткнув пальцем в медицинский справочник, который нашел в мусоре, явно не понимая значение слов: «он назвал их... Уретра, Мозжечок, Грыжа Сью».¹⁴⁹ В их семье царит полное разложение: «Он не мог сказать какого они были возраста...Они приходили и уходили...Они беременели одна за другой. Он бил их. Жена плакала. Дом наполнялся, комнаты, трейлер. Одна привела домой мужа, но он остался лишь на день или два... Двенадцатилетняя тоже начала раздуваться...».¹⁵⁰ Мы видим абсолютный упадок нравов. Маккарти рисует

---

¹⁴⁷ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 76.

¹⁴⁸ Berger M. White lies : race and the myths of whiteness. - New York: Farrar, Straus, Giroux, 1999. – P. 108.

¹⁴⁹ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 22.

¹⁵⁰ Ibid. P. 23.

пугающую картину жизни, к сожалению, абсолютно приемлемую и часто встречающуюся в бедных частях Южного региона. Дети не получают никакого воспитания, даже 12-летняя девочка вступает в сексуальные отношения; дом наполняется детьми, воспитанием которых тоже никто не занимается. Все это происходит в условиях экстремальной бедности. Эта семья - еще одна иллюстрация к образу мертвого Юга, который утратил все ценности и теперь не в состоянии формировать полноценных людей. Вместо этого он порождает людей без всякой морали, семьи, где домашнее насилие является нормой, и отец даже насиливает собственную дочь в порыве гнева: «Однажды в лесу он наткнулся на двоих... Он наблюдал за ними из-за дерева, пока не узнал одну из своих девочек. Старик начал бить девочку палкой... Они упали в листья... Следующее, что он помнил - спущенный комбинезон вокруг его коленей и она под ним».¹⁵¹

Лестер общается с этим мужчиной только потому, что ему нравится одна из его дочерей. Однако она отвечает отказом на его ухаживания и даже высмеивает его в присутствии другого мужчины. Пытаясь завоевать ее расположение, он приносит ее умственно отсталому сыну малиновку. Ребенок откусывает птице ноги, и пока все семейство задается вопросом, зачем ребенок это сделал, Лестер демонстрирует полное понимание его мотивации: «Он хотел, чтобы она была там, откуда не сможет сбежать».¹⁵² Эти слова будто предвосхищают его будущие действия, ведь немного позже, получив очередной отказ, он убьет дочь мусорщика, чтобы сделать ее своей мертвой возлюбленной.

Однако, первой жертвой деградирующего Лестера становится уже мертвая женщина. На окраине города, Лестер находит заглохшую машину, а в ней трупы любовников, которые задохнулись от угарного газа во время любовного акта. Сначала Баллард просто смотрит на них сквозь окно машины, однако ему этого мало и, осознав представившуюся возможность, он совершает свой первый акт некрофилии.

---

¹⁵¹ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P.28.

¹⁵² Ibid. P. 76.

Маккарти, никогда не боящийся детальных описаний самых ужасающих преступлений, уделяет сцене некрофилии Балларда всего четыре предложения: «Сумасшедший гимнаст, трудящийся над холодным трупом. Он излил в это восковое ухо все, что когда-либо хотел сказать женщине. Кто скажет, что она его не слышит? Когда он закончил, он встал и вновь огляделся.»¹⁵³ В центре описания не физический аспект происходящего, но эмоциональный. Баллард стремится утолить не свои сексуальные потребности, но свою жажду связи с другим живым существом, свою потребность в нормальных человеческих отношениях, которых он был лишен с самого детства. Он был отщепенцем всю свою жизнь, но теперь будучи окончательно изгнанным из общества, он потерял даже возможность на создание каких-либо отношений. Поэтому он изливает свою душу на ухо трупа, пытаясь испытать нормальный человеческий контакт в подобной больной имитации.

После этого Лестер грабит машину и забирает не только вещи, но и тело женщины. Он переносит труп в свою ветхую хижину и хранит ее тело на холодном чердаке. Он отправляется в город, где покупает для нее одежду, нижнее белье и косметику, а затем аккуратно одевает труп и делает макияж, готовит ужин на двоих. Лестер действует как влюбленный мужчина, который идет на свидание со своей возлюбленной. После того как он усаживает труп за стол, он выходит на улицу и наблюдает за ним сквозь окно. Этот болезненный и противоестественный эпизод демонстрирует желание Балларда быть нормальным. Он всю жизнь наблюдал за жизнью других, теперь егольному сознанию представляется, что у него есть шанс воссоздать эту жизнь. Лестер придает абсурдной ситуации правдоподобия, выходя из дома и притворяясь, что он сам пришел к девушке на свидание, и она оказалась там без его участия. Лестер продолжает вести себя как влюбленный, он не торопится перейти к удовлетворению свою сексуальных потребностей, он разговаривает с трупом, обнимает его и только после этого занимается с ним сексом: «Он усаживал ее в разные позы, а потом выходил и смотрел на нее через окно. Потом он просто сидел, обнимая ее, его руки ощущали

---

¹⁵³ Ibid.

ее тело под новой одеждой. Он медленно раздевал ее, разговаривал с ней. Затем он стянул с себя брюки и лег рядом».¹⁵⁴ Эта сцена безумного ухаживания сама по себе ужасающа, но то, как описывает ее Маккарти, указывает не столько на безумие, сколько на отчаянное одиночество Лестера. Естественное стремление всякого человека к общению, желанию иметь дом, любимую женщину обретает дикие, извращение формы.

Через некоторое время хижина Балларда сгорает дотла вместе с трупом, и он ищет убежища в пещерах. Он убивает дочь мусорщика и поджигает дом, в котором находится ее умственно отсталый сын. Лестер окончательно становится тем, кем его заранее видело общество: яростный, непредсказуемый, жестокий человек, настоящий монстр. После этого убийства Лестер больше не пытается вернуться и найти свое место в сообществе, которое его изгнало. Слова шерифа Фэйта, сказанные когда-то во время допроса Балларда: « Тебе придется либо найти другой способ жить, либо найти другое место в мире, чтобы жить так, как ты хочешь. »¹⁵⁵- Лестер воспринимает как руководство к действию. Он начинает создавать свое собственное общество, общество мертвых. Он начинает убивать людей и приносить их тела в свою сеть пещер. Жизнь в глубине пещер становится отражением его моральной и ментальной деградации; некрофилия становится способом облегчения его одиночества и попыткой создать сообщество, частью которого он может быть. В тексте нет детального описания жизни Лестера в пещере, есть лишь намеки на то, что он в ней делает, которые подтверждаются в конце романа, когда спустя много лет там находят комнату, полную трупов.

В своем растущем безумии Лестер не держится за свою личность и теряет даже сознание своей гендерной принадлежности. Он начинает носить женскую одежду своих жертв, макияж и даже их скальпы с волосами. Он явно хочет вписаться в созданное им сообщество мертвых, которое состоит преимущественно из женщин. Потеряв все остальное, Лестер начинает терять

---

¹⁵⁴ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 61.

¹⁵⁵ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 115.

себя. Тем не менее, у него случаются моменты просветления. Заметив свое отражение в луже, он нерешительно протягивает руку, чтобы коснуться его, но прежде чем прикоснуться, отступает в страхе. Ночью, из своей пещеры он «... наблюдал за полчищами холодных звезд сквозь дыру для дымы и задавался вопросом, из какого материала сделаны они или он сам». ¹⁵⁶

Самой душераздирающей сценой в книге становится момент, когда засыпающему Лестеру кажется, что он слышит свист. Это напоминает ему, как в детстве он слышал, как насвистывал его отец, возвращаясь с работы: «...ему показалось, что он слышал свист как когда он был мальчишкой, и лежа в постели, слышал свист отца возвращающегося с работы...Этой ночью ему снилось, что он ехал сквозь лес по горному хребту... мир в тот день был таким прекрасным, как в любой другой день, когда он едет на встречу смерти ». ¹⁵⁷ Лестер хочет стабильности и покоя, даже если это стабильность смерти; его нынешняя жизнь - это форма побега и отрицания.

С другой стороны, он постоянно возвращается к своей ферме и наблюдает за новыми жильцами, фантазируя, как он вернет свой дом, свою жизнь обратно: «...он наблюдал за домом, за новым жильцом. Он приходил ночью и лежал на берегу, наблюдая за ним через кухонное окно. Баллард взял ружье. Прицелился чуть выше уха. Его палец опустился на холодную кривую спускового крючка, Бах, сказал он». На пике своего безумия, он, наряженный в платье и парик из волос своих жертв, он пытается убить нового жильца, чтобы вернуть свой дом. Однако его попытка терпит крах, более того новый хозяин стреляет в Лестера из дробовика, и ему практически отрывает руку.

Очнувшись в психиатрической больнице уже без руки, Лестер попадает в руки мужчин, которые подозревают, что это он убил всех пропавших в округе людей. Они забирают его из больницы, чтобы он показал место, где прячет тела. Они намереваются их похоронить, а потом устроить самосуд над Лестером.

---

¹⁵⁶ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 79.

¹⁵⁷ Ibid. P.92.

Безумец приводит их в пещеру, но ускользает от них и несколько дней блуждает в темноте, пока не находит выход: «Он желал, он действительно хотел, чтобы какая-нибудь грубая повивальная бабка вытянула его из этой скалистой обители».¹⁵⁸ Писатель не зря говорит о новом рождении героя. Из пещеры выбрался совсем иной Лестер, он осознал, что творил ужасные вещи и более того, осознал, что его шанс быть нормальным был потерян еще детстве, когда он остался совсем один после самоубийства своего отца. Это подтверждает его видение на дороге: «Шумно проехал автобус. На последнем сидении сидел маленький мальчик и смотрел в окно, его нос был прижат к стеклу. Он посмотрел на Балларда, и Баллард посмотрел на него. Затем автобус скрылся из виду. Он пытался понять, где он уже видел мальчика, но потом понял, что мальчик выглядел как он сам. Он занервничал и, хотя он пытался выбросить из своей головы изображение лица в окне, оно никак не уходило...».¹⁵⁹ Видение напоминает Лестеру о том, кем он мог бы быть, напоминает ему о том времени, когда он был невинен и все еще был частью сообщества. У него случается просветление, и он возвращается в психиатрическую лечебницу, утверждая: «Здесь. Я должен быть здесь»¹⁶⁰. В каком-то смысле он возвращается в общество, которое ранее им пренебрегало. Лестер понимает, что это его место, эта психиатрическая лечебница теперь его дом, в большей степени, чем были полуразрушенная хижина или пещера.

Когда много лет спустя, Лестер умер, его тело передали в медицинскую школу. Повествование завершается подробным описанием вскрытия, которое проводят студенты-медики. Примечательно, что Маккарти насыщает именно это описание отвратительными деталями, чего он не делал, когда описывал преступления Лестера: «Он был выложен на плиту, сшит, выпотрошен, расчленен. Его голова была распилена и мозги удалены. Его мускулы были сняты с костей. Его сердце вынули. Его внутренности вытащили и очертили; четверо юных учеников склонялись над ним словно гарусники из старых времен, которые,

---

¹⁵⁸ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 102.

¹⁵⁹ Ibid. P. 102

¹⁶⁰ Ibid.

наверное, видели и худших монстров».¹⁶¹ Маккарти называет студентов, проводящих вскрытие архаичным словом «гаруспики». В Древней Греции так называли людей, которые предсказывали будущее по внутренностям жертвенных животных. Баллард приравнивается к животным, подлежащим исследованию ради понимания мира и людей. Это печальный и омерзительный конец печальной и омерзительной жизни.

Лестер – типичный герой-изгнаник, маргинал, который по воле обстоятельств превращается в преступника и извращенца. Несмотря на отталкивающую природу такого персонажа, как Лестер, Маккарти создает историю, которая заставляет чувствовать жалость к этому человеку, ставшему монстром. Именно поэтому уже на первой странице романа, рассказчик говорит о Лестере: «Дитя Бога, возможно, такой же, как мы»¹⁶², проясняя смысл названия. Маккарти вынуждает читателя хотя бы попытаться изучить жизнь Балларда и, возможно, прийти к какому-то пониманию его действий, дать персонажу возможность на прощение, которое заслуживает любое дитя Божье.

Баллард – настоящий антигерой, но автор настойчиво внушает читателю мысль о том, что его злодейство и безумие – лишь частный случай того, что таит в себе мир. Всезнающий рассказчик в романе говорит: «Можно сказать, что его существование поддерживается другими людьми, такими, как ты. Рата, которая высасывает жизнь из искалеченных и сумасшедших, которая хочет и имеет их порченую кровь в своей истории».¹⁶³ Именно поэтому в одном из отрывков шериф в ответ на вопрос подчиненного, стали ли люди лучше, отвечает: «Я думаю, люди остались такими же, как в тот день, когда Бог создал их».¹⁶⁴ Затем шериф рассказывает историю о старом отшельнике, который жил на горе: «...оборванный гном с волосами до колен, одетый в листья. Люди привыкли подходить к его дыре

---

¹⁶¹ McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 108.

¹⁶² McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – P. 4.

¹⁶³ Ibid. P. 86

¹⁶⁴ Ibid. P. 88.

в скалах, бросать в нее камни на спор и призывать его выйти наружу ».¹⁶⁵ По сути, этот рассказ описывает судьбу Лестера. Он - жертва, в которой нуждается это сообщество, чтобы продолжать культивировать жестокость и насилие. Множество таких людей, как Лестер, скрывается в южном обществе.

«Дитя Бога» - это роман, который заметно контрастирует по стилю с предшествующими романами Кормака Маккарти, но продолжает деконструкцию основополагающих мифов Юга. Маккарти изображает южное общество, в котором процветает культура насилия и изоляции. Лестер Баллард становится жертвой этого сообщества, которое состоит из людей, являющихся носителями региональной идентичности сформированной мертвей атмосферой «старого Юга». Будучи ребенком, он оказывается брошенным на произвол судьбы этим самым обществом, которое считает подобную жестокость нормой, и как следствие, перенимает такую же жестокую манеру поведения по отношению к другим людям. Затем он лишается своего дома, что приводит к постепенной деградации и психологическим отклонениям в его личности.

После потери дома Баллард переезжает в заброшенную хижину в лесу, а потом живет в пещерах под землей. Идентичность Балларда деградирует от несостоятельного должника, выселяемого домовладельца, к скваттеру, а затем к пещерному обитателю. Деградация его личности происходит в несколько этапов, и каждый этап соответствует одной из трех частей романа. В первой части он ведет нелегкое существование на окраинах общества, вторая изображает его полную развращенность, а третья его безжалостные убийства. Эти части также параллельны этапам его психического состояния: в первой части рассказчик повторяет, что «с ним всегда было что-то не так», во второй части его все время описывают, как «полусумасшедшего», а к концу третьей, его здравомыслие полностью исчезает и Лестер превращается в монстра.

Кормак Маккарти использует историю Лестера, чтобы показать как южное общество, испорченное и отравленное мертвей и разлагающейся атмосферой

---

¹⁶⁵ Ibid. P. 91.

«старого Юга», способно повлиять на формирование идентичности такого человека, как Лестер. Общество взрастило в нем жестокость и склонность к насилию, буквально передало ему некую поломанную, изуродованную региональную идентичность, только для того, чтобы потом отнять ее у него, осудить за нее и изгнать из своего общества. Лестер же не в состоянии существовать отдельно, потеря дома и общества приводит к кризису, который запускает череду разрушительных попыток вновь обрести чувство принадлежности. Все эти попытки приводят к полной деградации Лестера, буквально превращая его в животное, ужасного монстра. Только практически полностью потеряв свой рассудок и моральный облик, он обретает свою идентичность, свое место в мире. Теперь он душевнобольной, его место в психиатрической лечебнице, это его место, это его дом. Он вновь становится частью сообщества.

Заключение

В данной работе было проведено исследование проблемы южной региональной идентичности в романах Кормака Маккарти, которые относятся к «Южному» периоду его творчества.

Детальный анализ этих произведений, позволяет утверждать, что автор создал свой собственный образ Юга Соединенных Штатов Америки. Кормак Маккарти разрушает образ американского Юга, сложившийся у читателей на основании прочтения произведений его предшественников и пытается показать полный упадок южного образа жизни, изоляцию и нищету жителей Южного региона. Он отрицает сам конфликт Старого и Нового Юга, который описывали

другие авторы-южане и утверждает, что эра Нового Юга такой, какой она была задумана, так и не наступила. Вместо этого Южный регион застыл в неком лимбе, неспособный двинуться вперед или назад, медленно приходя в состояние полного культурного и экономического упадка. Маккарти согласен со своими предшественниками в том, что эра великого Старого Юга уже прошла, но отказывается воспринимать Юг после Реконструкции как Новый, для него это «старый Юг», «мертвый мир». В нем не осталось никаких культурных или моральных ценностей Старого Юга, но на смену утраченным ценностям не пришли новые, и регион медленно разлагается в условиях экстремальной изоляции, нищеты и культурного упадка. Маккарти хочет показать, что на Юге не осталось ничего прекрасного, ничего романтичного, нет больше никакого «южного мифа».

Представляя свою картину Южной действительности в 20-е-50-е годы XX века, Маккарти изображает регион, находящийся в полном экономическом упадке, не идет и речи о кой-либо индустриализации Нового Юга. Мы видим сельскую глухую местность, заполненную полупустыми деревушками и редкими небольшими городами. В этих селениях, как например, в деревушке Редбранч из «Хранителя Сада», царит разруха, люди живут в полуразрушенных домах, донашивают обноски, не работают и просто ведут жалкое существование в нищете. Здесь нет южных джентльменов и прекрасных леди, тоскующих по былому величию довоенного Старого Юга, вместо этого здесь живут пьяницы и бездельники, которые проводят свои дни в местном баре со стаканом нелегального виски в руке. Преступность и насилие царят на «старом Юге» Маккарти, у этих людей нет ценностей, нет морали. Они готовы совершить любое злодеяние во имя наживы и даже просто ради своего собственного развлечения. Более того, все жители этого «старого Юга» настолько вырваны из мира, что не придают значения времени, не в состоянии назвать даже день недели. Все это еще раз подтверждает глубокую изоляцию региона и его жителей, «старый Юг» Маккарти буквально застыл в неком безвременье, откуда никто не может вырваться в реальный мир.

В центре всех трех романов стоят истории отдельных людей. Маккарти пытается показать, что происходит с теми, кто живет в этом «мертвом» мире и находится под влиянием его отравленной атмосферы. В центре внимания писателя оказывается проблема формирования важнейших личностных качеств и, шире, идентичности человека. Все главные действующие лица романов становятся примерами того, как под воздействием «мертвой» атмосферы региона формируется изуродованная и ущербная региональная идентичность.

Именно условия региона способствуют тому, что в людях просыпаются самые темные и злые качества, которые толкают их на совершение ужасных, противоестественных поступков. Помещая своих персонажей в эти условия, Маккарти иллюстрирует сложный процесс кризиса идентичности, который заключается в разных степенях деградации личности. Во всех проанализированных романах судьбы героев являются воплощением различных степеней этого регресса, происходящего под воздействием среды. Герои не могут мыслить, не обладают способностью к самосознанию и самоанализу. Они не видят в каком ужасающем мире они живут и не способны различать Добро и Зло. Они живут, подчиняясь инстинктам, удовлетворяя лишь свои самые базовые потребности. Маккарти описывает крайние ситуации чтобы показать, что эти жители «старого Юга» являются примитивными личностями, которые действую рефлекторно, реагируя на ситуацию, но не осознавая своих правильность или неправильность своих поступков в рамках принципов человеческой морали. С точки зрения Маккарти, именно эта ущербность является отличительной чертой жителей Южного региона, это то, что он понимает под региональной идентичностью – ущербную, неполноценную личность.

Лишь одному из героев романа «Хранитель сада» - Джону Уэсли автор дает шанс стать полноценной личностью, но для этого он должен покинуть Юг и отправиться на Запад, как можно дальше от разрушительного влияния региона.

Список использованной литературы

1. Художественная литература

2. McCarthy C. Child of God. – London.: Picador, 2010. – 185 p.
3. McCarthy C. Outer Dark. – London.: Picador, 2010. – 252 p.
4. McCarthy C. The Orchard Keeper. – London.: Picador, 2010. – 260 p.

2. Научная и критическая литература

5. Антонова Н. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии [Электронный ресурс] // Вопросы психологии: [сайт]. [1995].URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1996/961/961131.htm> (дата обращения: 17.01.2017).
6. Анастасьев Н. Южный акцент // Проблемы становления американской литературы. – М.: Наука, 1981. – С. 113 – 155.
7. Антонова Н. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии [Электронный ресурс] // Вопросы психологии: [сайт]. [1995].URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1996/961/961131.htm> (дата обращения: 17.01.2017).
8. Архангельская И. Концепт "Американский Юг" в романе У. Фолкнера "Непобежденные" // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - НН.: Изд-во ННГУ, 2104. - с. 98-101.
9. Балдицын П. Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы. - М.: Издательство "ВК", 2004. - 300 с.
- 10.Белл Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. - М.: Прогресс, 1966. - 266 с.
11. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические [Текст]. – М.: Моск. Патриархия,1988. – 1371 с.
- 12.Бурстин Д. Американцы: Демократический опыт / Д.Бурстин. - М.: Прогресс, 1993. -832 с.
13. Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт / Д.Бурстин. - М.: Прогресс, 1993. -480 с.
- 14.Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт / Д.Бурстин. - М.: Прогресс, 1993. - 620 с.

- 15.Бурейко Н. К вопросу об американской национальной идентичности (политико-идеологические факторы ее становления) [Электронный ресурс] // Международный электронный научный журнал. 2013. URL:<http://st-hum.ru/content/bureyko-nn-k-voprosu-ob-amerikanskoy-nacionalnoy-identichnosti-politiko-ideologicheski> (дата обращения: 19.01.2017).
16. Вундт В. Миф и религия. - М.: Эксмо, 2002. - 864 с.
- 17.Гаджиев К. Американская нация: национальное самосознание и культура / Камалудин Гаджиев. – М.: Наука, 1990. - 242 с.
18. Гарушьян С. Проблема национальной идентичности в эссеистике Джона Фаулза [Электронный ресурс] //Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского: [сайт]. [2009].URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/2009._tom_9.3.20.pdf (дата обращения: 13.02.2017).
19. Герасимов А. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // Вест. Псковского гос. ун-та. Серия «Естественные и физико-математические науки». - Псков.: ПсковГУ – 2013. – №3. – С. 57–63.
- 20.Гребенюк М. Концепт "идентичность" в дискурсе гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2013. №26. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-identichnost-v-diskurse-gumanitarnogo-znaniya> (дата обращения: 07.02.2017).
- 21.Денисова Т. Экзистенциализм и современный американский роман. - Киев.:Т.Н. Денисова, 1985. - 245 с.
- 22.Ковалева А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. - М. : Социум, 1999. - 351 с.
- 23.Козлов Н. Личностная идентичность [Электронный ресурс] // Психологос: энциклопедия практической психологии: [сайт]. [2009-2017].URL: <http://>

www.psychologos.ru/articles/view/lichnostnaya_identichnost (дата обращения: 7.04.2017).

24. Морозова И. Проблема становления «южного мифа» в культуре и литературе США // Филологические записки: «Вестник литературоведения и языкоznания». - Воронеж.: Воронежский университет, 2005. №23. - С. 183-204.
25. Морозова И. «Южный миф» в творчестве писателей Старого Юга. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2004. – 247с.
26. Микляева А. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография / А. Микляева, П. Румянцева. - СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. - С. 8 - 47.
27. Муха В. Личностная и социальная идентичность: проблема соотношения [Электронный ресурс] // Научно-издательский центр Социосфера [сайт]. [2013]. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/166/lichnostnaya_i_socialnaya_identichnost_problema_sootnosheniya/ (дата обращения 17.04.2017)
28. Назукина М. Структурные уровни региональной идентичности в современной России [Электронный ресурс] // Журнал «Регионология». 2011. №4. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/809> (дата обращения: 07.02.2017).
29. Нодье Ш. О фантастическом в литературе // Литературные манифести западноевропейских романтиков / А.С. Дмитриев. - М.: МГУ, 1980. - С. 280-320.
30. Переяшкин В. «Внешняя тьма» Кормака Маккарти: философия дома и дороги// Университетские чтения -2005, часть 3. - Пятигорск.: ПГЛУ. - С. 243-245.
31. Переяшкин В. Мотивы «рационального» и «мифологического» в романе Кормака Маккарти «Хранитель Сада»// Вестник Пятигорского государственного университета №4, - Пятигорск.: ПГЛУ, 2003. - С.65-69.

- 32.Переяшкин В. Литература США: южный контекст. - Пятигорск: ПГЛУ, 2004. - 294 с.
- 33.Переяшкин В. Эволюция принципов южной традиции в современной американской прозе // Материалы науч. конф. молодых учёных. - Пятигорск: ПГПИИЯ, 1992. - С.34-35.
- 34.Переяшкин В. "Южный миф" в литературе США: генезис и эволюция [Электронный ресурс] // ПГУ: [сайт]. [2012].URL: http://pglu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2974&ELEMENT_ID=12684 (дата обращения: 15.02.2017).
- 35.Переяшкин В. Творчество американских писателей второй половины XX века в контексте южной литературной традиции: автореф. дис. ... канд./д-ра фил. наук.: МГУ, 2010. – 123 с.
- 36.Попова М. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. - Воронеж.: М.К. Попова, 2004. - 157 с.
- 37.Попова С. Этническая идентичность как антропологическая проблема. - Ставрополье.: С.В. Попова, 2005. -166 с.
38. Психология и педагогика. Под ред. Радугина А.А. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Центр,2002. - 256 с.
39. Римини Р. Краткая история США. - СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. - 480 с.
- 40.Романовская Е. Идентичность и коммеморация [Электронный ресурс] // Власть. 2015. №7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-kommemoratsiya> (дата обращения: 04.05.2017).
- 41.Савченко А. Интерпретация «южного мифа» в романе М.Митчелл «Унесенные ветром» [Электронный ресурс] //Журнал «Филология и культура. Philology and Culture». 2015. №2. URL: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=node/1816> (дата обращения: 10.02.2017).

42. Савюренок А. Романы У. Фолкнера 1920-1930-х годов. - Л.: ЛГУ, 2007. - 142 с.
43. Сакс В. Миф Америки. Очерки о структуре литературного воображения. - М.: Наука, 1980. - 734 с.
44. Тарнас Р. История западного мышления. - М.: Крон-Пресс, 1995. - 230 с.
45. Токвиль де А. Демократия в Америке. - М.: Весь Мир, 2000. - 540 с.
46. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы Американской Национальной Идентичности. - М.: Транзиткнига, 2004. - 635 с.
47. Шеманов А. Самоидентификация человека и культуры. - М.: Академический проект, 2007. - 479 с.
48. Шестаков В. Американская культура: в поисках национальной идентичности [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2012. №4. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/168.html&j_id=12 (дата обращения: 04.05.2017).
49. Эриксон Э. Детство и общество. //Изд. 2-е, перераб. и дополн./Пер. с англ. - СПб.: ИТД "Летний Сад", 2000. - 416 с.
50. Adelman G. Sorrow's Rigging: The Novels of Cormac McCarthy, Don DeLillo, and Robert Stone. - Montreal: McGill-Queen's University Press, 2012. - 192 p.
51. Allen B. Sense of place: American regional cultures. – Lexington: The University Press of Kentucky, 2015. - 224 p.
52. Andrews W. The Literature of the American South: A Norton Anthology. - New York.: W.W. Norton, 1998. - 1188 p.
53. Arnold E. Perspectives on Cormac McCarthy. – Jackson: University Press of Mississippi, 1999. – 263 p.
54. Ayers E. All Over the Map: Rethinking American Regions. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. – 152 p.

46. Bartlett A. From Voyeurism to Archaeology: Cormac McCarthy's 'Child of God'. // *The Southern Literary Journal*. - 1991. - Vol. 24, №.1. - P. 3–15.
47. Bell V. The Ambiguous Nihilism of Cormac McCarthy. // *The Southern Literary*. - 1983. - Vol. 15, №. 2. - P. 31–41.
48. Berger M. White lies: race and the myths of whiteness. - New York: Farrar, Straus, Giroux, 1999. - 240 p.
49. Blair A. "The Wanted Stared Back": Biopolitics, Genre, and Sympathy in Cormac McCarthy's *Child of God*. // *The Southern Literary Journal*. - 2015. - Vol. 47, №. 2. - P. 89-106.
50. Boles J. *A Companion to the American South*. - Chichester: John Wiley & Sons, 2007. - 536 p.
51. Brown D. *Race in the American south from slavery to civil rights*. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. - 392 p.
52. Cant J. Cormac McCarthy and the myth of American exceptionalism. - New York: Routledge, 2008. - 384 p.
53. Child B. Looking Over the Country Again: Rusticity and the Urban/Rural Spatiality of 'The Orchard Keeper' and 'No Country for Old Men.'. // *The Cormac McCarthy Journal*. - 2011. - Vol. 9, №. 1. - P. 1–16.
54. Ciuba G. *Desire, violence & divinity in modern southern fiction: Katherine Anne Porter, Flannery O'Connor, Cormac McCarthy, Walker Percy*. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2007. - 287 p.
55. Cobb J. *Away down South: a history of Southern identity*. - New York: Oxford University Press, 2005. - 404 p.
56. Crow C. *A Companion to the Regional Literatures of America*. - Oxford: John Wiley & Sons, 2007. - 624 p.
57. Davis M. 'Barren, Silent, Godless': The Southern Novels of Cormac McCarthy. - Clemson: Clemson University, 2008. - 76 p.

58. Eagle C. Routledge Studies in Contemporary Literature Philosophical Approaches to Cormac McCarthy: Beyond Reckoning. - Abingdon: Taylor and Francis, 2017. - 230 p.
59. Ellis J. No Place for Home: Spatial Constraint and Character Flight in the Novels of Cormac McCarthy. - Florence: Taylor and Francis, 2003. - 192 p.
60. Estes A. Cormac McCarthy and the Writing of American Spaces. - Amsterdam: Editions Rodopi, 2013. - 239 p.
61. Franks T. 'Talkin about Lester': community, culpability, and narrative suppression in Child of God. [Electronic resource] // Mississippi Quarterly. - Jan 1, 2014. - Vol. 67, №1, P. 75-97. URL: <https://www.thefreelibrary.com/%22Talkin+about+Lester%22%3a+community%2c+culpability%2c+and+narrative...-a0436232542>
62. Frye S. The Cambridge Companion to Cormac McCarthy. - Cambridge: Cambridge University Press, 2013. - 230 p.
63. Gleason P. Identifying Identity: A Semantic History. //The Journal of American History. - 1983. - Vol. 69, №. 4. - P. 910–931.
64. Grady H. The new South, and other addresses. With biography, critical opinions, and explanatory notes. - New York: Haskell House, 1969. - 136 p.
65. Gray R. A companion to the literature and culture of the American south. - Malden: Blackwell Pub, 2004. - 668 p.
66. Greenwood W. Reading Cormac McCarthy. - Santa Barbara, Calif: Greenwood Press, 2009. - 141 p.
67. Gooding A. McCarthy's Outer Dark and Child of God as Works of Appalachian Gothic Fiction. - Johnson City: East Tennessee State University, 2013. - 32 p.
68. Guillemin G. The Pastoral Vision of Cormac McCarthy. – Texas: A&M University Press, 2004. - 184 p.

69. Guinn M. After Southern Modernism: Fiction of the Contemporary South. - Jackson, US.: University Press of Mississippi, 2000. - 234 p.
70. Hage E. Cormac McCarthy: a literary companion. - Jefferson: McFarland & Co., Publishers, 2010. - 200 p.
71. Hoffmann G. Strangeness, Gaps, and the Mystery of Life: Cormac McCarthy's Southern Novels. // American Studies. - 1997. - Vol. 42, №. 2. - P. 217–238.
72. Josyph P. Adventures in reading Cormac McCarthy. - Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2010. - 247 p.
73. Kermes S. Creating an American identity: New England, 1789-1825. - New York: Palgrave Macmillan, 2008. - 291 p.
74. Kreyling M. Inventing southern literature. - Jackson: University Press of Mississippi, 1998. - 200 p.
75. Kowalczyk-Twarowski K. Southern American Regional Sensibility versus the North. // Comparative Literature and Culture. - 2001. - Vol. 3, №.2. - P. 4-5.
76. Kunsa A. Mystery and Possibility in Cormac McCarthy. // Journal of Modern Literature. - 2012. - Vol. 35, №. 2. P. 146–152.
77. Lincoln K. Cormac McCarthy: American canticles. - New York: Palgrave Macmillan, 2009. - 193.
78. Lilley J. Cormac McCarthy: New Directions. - Albuquerque: University of New Mexico Press, 2014. - 360 p.
79. Cooper L. Cormac McCarthy's Heroes: Narrative Perspective and Morality in McCarthy's Novels. - Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2011. – 200 p.
80. Madsen M. The Uncanny Necrophile in Cormac McCarthy's 'Child of God; or, How I Learned to Understand Lester Ballard and Start Worrying. // The Cormac McCarthy Journal. - 2011. - Vol. 9, №. 1. - P. 17–27.

81. McVoy S. Deconstruct the Stereotype of Rural Appalachian Religion Through the Examination of Four modern Appalachian Novels. - Asheville: The University of North Carolina, 2000. - 55 p.
82. Miller D. An American vein: critical readings in Appalachian literature. - Athens: Ohio University Press, 2005. - 400 p.
83. Moon S. The Search for Meaning and Morality in the Works of Cormac McCarthy. - Dayton: Wright State University, 2015. - 85 p.
- 84.
85. Nelson C. A style of horror: is evil real in Cormac McCarthy's Outer Dark? // Critique Studies in Contemporary Fiction. - Winter, 2012. - Vol. 53, №1. - P. 30 -48.
86. Neely J. Cormac McCarthy's Knoxville. // Appalachian Heritage. - 2011. Vol. 39, №. 1. - P. 16-19.
87. Reed J. The Enduring South: Subcultural Persistence in Mass Society. - Chapel Hill: UNC Press Books, 1986. - 147 p.
88. Rocker D. Rape Myth Acceptance in the Deep South. - Tuscaloosa: University of Alabama Libraries, 2015. - 73 p.
89. Rosenberg M. The Bible Belt in the United States. [Electronic resource] // ThoughtCo, URL: <https://www.thoughtco.com/the-bible-belt-1434529> (дата обращения: 18.02.2017).
90. Singleton S. The Action of Grace in Territory Held by the Devil: Flannery O'Connor and Cormac McCarthy. // The Kennesaw Journal of Undergraduate Research. - 2012. - Vol. 2, №. 1. - P. 1-18.
91. Shaiman J. Building American homes, constructing American identities: Performance of identity, domestic space, and modern American literature. - University of Oregon, 2004. - 272 p.

92. Smith A. Lay It All on the Table: Death in the American South. // The Southern Quarterly. - 2015. - Vol. 53, №. 1. - P. 72-86.
93. Smith M. The Old South. - Malden, Mass: Blackwell Publishers, 2001. - 316 p.
94. Stilley H. "White pussy is nothin but trouble": Hypermasculine Hysteria and the Displacement of the Feminine Body in Cormac McCarthy's Child of God."// The Cormac McCarthy Journal. - 2016. - Vol. 14, №. 1. - P. 96-116.
95. Stoleriu O. The Myths of the Old South and the New South in Cormac McCarthy's Suttree. [Electronic resource] – Tîrgu Mureș.: Arhipilag XXI Press, 2015. - P. 1193 - 1199. URL: <http://www.upm.ro/lmd/LDMD-03/Lit/Lit%2003%20B2.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
96. Sugar M. Regional identity and behavior. - New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2002. - 194 p.
97. The Appalachian Region [Electronic resource] // Appalachian Regional Commission, URL: https://www.arc.gov/appalachian_region/TheAppalachianRegion.asp (дата обращения: 18.02.2017).
98. Tate A. Faulkner's "Sanctuary" and the Southern Myth. // VQR. - 1968. - Vol. 44, №.3. - P. 18-24.
99. Thompson A. Southern Identity: The Meaning, Practice, and Importance of a Regional Identity. - Nashville: Vanderbilt University, 2007. - 265 p.
100. Walsh C. In the wake of the sun: navigating the southern works of Cormac McCarthy. - Knoxville: Newfound Press, University of Tennessee Libraries, 2009. - 376 p.
101. Wallach R. Myth, Legend, Dust: Critical Responses to Cormac McCarthy. - Manchester: Manchester University Press, 2000. - 247 p.
102. Weiss D. Cormac McCarthy, violence, and the American tradition. - Wayne State University: ProQuest Dissertations Publishing, 2009. – 292 p.

103. Wegner J. Overcoming the Regional Burden: History, Tradition, and Myth in the Novels of Cormac McCarthy. - Denton: University of North Texas, 1997. - 216 p.
104. White L. Ignoble Savage: Lester Ballard of Cormac McCarthy's *Child of God*. - Asheville: The University of North Carolina, 2008. - 31 p.
105. Williams C. "A Primitive and Frightening South": Gender and Sexual Violence in Twentieth and Twenty-First Century Southern Fiction. - Tallahassee: Florida State University, 2014. - 154 p.
106. Williams C. Sinnin' and Grinnin': Deviant Sexuality in the Contemporary Southern Novels of McCarthy, Gay, and Crews. - Tallahassee: Florida State University, 2008. - 66 p.
107. Woods N. Like a Caravan of Carnival Folk: *Child of God* as Subversive Carnivalesque. // The Cormac McCarthy Journal. - 2013. - Vol. 11, №. 1. - P. 80–95.